

ПИБЛОЕ МЕСТО

АНТОН
ГРАНОВСКИЙ

СИЯНИЕ БОГОВ

Гиблое место

Антон Грановский

Сияние богов

«ЭКСМО»

2010

Грановский А.

Сияние богов / А. Грановский — «Эксмо», 2010 — (Гиблое место)

Еще никогда призрачный охотник Громол не предупреждал Глеба Первохода о такой страшной опасности! Первозданная Тьма готовится прорваться в наш мир и уничтожить его, и спасти его может только Глеб. Но не один, а с помощью наделенных особым даром людей, появившихся в Хлынском княжестве после пролета таинственной хвостатой звезды. К тому же только они, дети падших богов, могут помочь Глебу Орлову преодолеть наложенное на него проклятие и вернуться из далекого прошлого в родной XXI век...

© Грановский А., 2010

© Эксмо, 2010

Содержание

Пролог	5
Глава первая	11
1	11
2	15
3	17
4	21
5	23
6	27
7	32
8	36
Глава вторая	39
1	39
2	42
3	43
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Антон Грановский

Сияние богов

Пролог

Сивуш-град, Кривичское княжество

– Хороший постоялый двор, – сказал одноглазый купец, потягивая из берестяной кружки сладкий сбитень.

– Да, неплохой, – подтвердил его рыжий товарищ, вытирая рукавом кафтана смоченные в сбитне желтые усы.

– А кружечная изба при нем и того лучше, – веско заметил третий купец, чернявый, как болгарин. – Вот только кабаньи головы тут ни к чему. Это ж надо додуматься – отрезать от скотинки голову, набить ее соломой и повесить над стойкой.

– Таковы здешние нравы, – изрек одноглазый купец. – И не нам с тобой им перечить.

– И то верно, – согласился болгарин. Он прищурил глаза и лукаво посмотрел на довольные лица товарищей. – Что, братья, выпьем еще по одной и продолжим игру?

– Давай, – кивнул одноглазый.

– И я не против, – одобрил рыжий.

Болгарин, самый старший из троих и по возрасту сивый, повернулся к дубовой стойке и окликнул целовальника:

– Эй, дружок! Наполни-ка наши кружки сбитнем и дай по сладкому калачу на закуску!

Целовальник, огромный безбородый мужик с широким, насмешливым лицом, кивнул и потянулся за кувшином. Одет он был в сермяжный кафтан, но шапка на нем была такая же дорогая, как на купцах. Разве что мех на ней был чуть трачен молью.

Когда целовальник подошел к столу, желтоусый купец окинул его рослую фигуру восхищенным взглядом и спросил:

– И в кого ж ты такой здоровый уродился, друг? В отца или в мать?

– Ни в мать, ни в отца, а в лихого молодца, – пробасил целовальник, разливая сбитень по кружкам. – Подкидыш я, дядя. Кем рожден – неведомо.

– Нам бы такого битюка в охоронцы, мы бы и ночью в лесу стоять не боялись, – сказал одноглазый. – Слышь-ка, брат, иди к нам в охоронцы. Платой не обидим.

– Благодарствую, но мне и здесь хорошо. Хозяин меня ценит, платит больше всех. И столуюсь я у него бесплатно. – Целовальник покачал светлой, короткостриженной головой. – Нет, ребята, я свою жизнь ни на какую другую не променяю.

Он сунул под мышку опустевший кувшин, смахнул полотенцем со стола хлебные крошки, повернулся и зашагал обратно к стойке. Купцы же, мирно беседуя, принялись потягивать сбитень.

В кружале было безлюдно и тихо. Кроме трех проезжих купцов в зале был всего один посетитель – хмурый, темноволосый парень в дорогом кафтане и с едва наметившейся бородкой. Он сидел за самым дальним столом, в темной стенной нише, и, ни на кого не глядя, цедил из кружки брагу.

Допив сбитень, купцы отставили кружки в сторону и вернулись к игре в бусы, прерванной полчаса назад. Однако стоило одноглазому купцу высыпать бусы из коробки на стол, как темноволосый незнакомец встал из-за стола и двинулся к купцам.

Остановившись возле их стола, незнакомец кашлянул в кулак и сказал:

– Вечер добрый, купцы. Пустите в круг?

Купцы окинули незнакомца любопытными взглядами. Выглядел он странно. Волосы густые и мягкие, будто у юноши. Лицо тоже не старое. А вот глаза такие, будто за плечами у незнакомца долгая-предолгая жизнь, полная тягот, радостей, ужасов и восторгов – короче, всего того, чем полна любая человеческая жизнь.

Был незнакомец осанист, но в его фигуре, юной и гибкой на вид, чувствовалось что-то надломленное, вялое и усталое. Булгарин улыбнулся и ответил за себя и своих товарищей:

– И тебе добрый вечер, странник! Значит, хочешь с нами поиграть?

– Хочу, коли не прогоните.

– Не прогоним. Садись за стол.

Незнакомец сел.

– Что же у вас за игра такая? – осведомился он.

– А ты не знаешь? – удивился желтоусый. – Вишь, на каждом бруске дырочки наколоты?

Странник посмотрел на брусочки и кивнул.

– Вижу.

– Мы брусочки эти переворачиваем, дырочками книзу, а засим перемешиваем. А после – каждый берет себе по четыре брусочка. Коли выпадет на двух брусочках одинаково дырочек – считай, повезло. Коли на трех – повезло еще больше. Ну, а ежели на всех четырех одинаково, то, почитай, схватил ты, парень, лешего за бороду. Но самое большое везение – это ежель выпадет так, что на каждом брусочке на одну дырочку больше, чем на прежнем. У кого везения больше, тот и забирает весь куш. Понял ли?

– Понял. Как не понять. Игра немудреная.

– Ну, коли так, то давай начнем.

Пока одноглазый купец, пожевывая ус, перемешивал брусочки, булгарин с любопытством разглядывал странника.

– Кто ты, добрый человек? – осведомился он.

– Я-то? – Странник хмыкнул. – Да никто. Просто прохожий.

– И по каким землям проходишь, прохожий?

– По разным.

– Судя поговору, ты древлянин?

– Был когда-то. Но то было давно.

– А имя у тебя есть? – спросил рыжий купец.

– Было, – хмуро ответил странник. – Да давно потерял.

– Ишь ты. – Рыжий качнул головой и пригладил пальцем свои пушистые желтые усы. –

Ну, ладно.

Одноглазый тщательно перемешал брусочки и распорядился:

– По два медяка от начала.

Каждый из купцов кинул на середину стола по две медяшки. Незнакомец тоже достал из кармана кожаный кошелек и отсчитал две медные монетки.

– Берем, – разрешил одноглазый.

Играющие потянулись за брусками.

...Булгарин, проигравшийся больше других, выглядел подавленным. Кончики его черных усов были уныло опущены вниз.

– Прости, брат, – виновато проговорил странник. – Мне не везло весь последний год. Должно быть, удача нынче решила вознаградить меня за мои мытарства.

– За мой счет? – уныло усмехнулся булгарин.

Странник лишь развел руками.

Одноглазый и желтоусый купцы тем временем поднялись из-за стола. Лица у обоих были суровы, на странника они старались не смотреть.

– Ты с нами? – окликнул одноглазый купец булгарина.

– Да. Сейчас. – Булгарин облизнул пересохшие от досады и расстройства губы. – Вот выпью кружку сбитня и сразу за вами.

Он дал знак целовальнику. Тот кивнул в ответ и повернулся к полке с кувшинами.

– Ну, давай, не засиживайся, – сказал булгарину желтоусый купец. Затем перевел взгляд на незнакомца, обыгравшего их в пух и прах, кашлянул в кулак и, пересилив себя, вежливо пожелал: – Покойной ночи, странник.

– Покойной ночи, братья, – хмуро проговорил тот в ответ. – Не обессудьте.

– Да чего уж там, – пробурчал желтоусый и, махнув рукой, зашагал к двери.

Одноглазый последовал за ним.

Дверь за купцами захлопнулась. Целовальник поставил перед булгарином полную кружку сбитня и оставил его наедине с удачливым странником.

– Ты позволишь мне заплатить за твой сбитень? – вежливо обратился к купцу странник.

– Заплати, коли хочется. – Булгарин отхлебнул из кружки, почмокал губами, исподлобья глядя на странника, а потом сказал: – Слышь-ка, брат?

– Ну? – отозвался странник.

– Дай отыгаться.

– Я бы дал. Но что на кон-то поставишь? Ведь нет у тебя больше ничего.

– Верно, нет, – уныло проронил булгарин. Потом на мгновение задумался и вдруг стянул с головы шапку и показал ее страннику. – Почти новая, – сказал он. – По кругу соболев, поверху – куница. Чудо, а не шапка.

Странник исподлобья посмотрел на булгарина и покачал головой.

– Нет, брат, не нужна мне твоя шапка.

– Не нужна, говоришь? – Булгарин нахмурился. – Ну, так возьми ножны. У меня отличные ножны. Принесть?

– И ножны не надобны, – отрезал странник. – Ничего мне от тебя не надобно. Вот разве что... – Он на мгновение задумался, а затем качнул головой: – Нет, ты не согласишься.

– Чего? – насторожился булгарин. – Про что ты говоришь? Ну, не томи!

– Да нет, это глупость. Ты не станешь даже слушать.

– Ты скажи, а я уж решу. Чего тебе надобно, странник? Говори же!

Странник несколько секунд пристально смотрел на булгарина, как бы раздумывая, стоит ли признаваться ему в своей надобности или нет, потом вздохнул и заявил:

– Ладно, скажу, раз просишь. Поставь на кон свои годы, купец. На них я готов сыграть.

Булгарин растерянно захлопал глазами.

– Как это?

– Просто. Ты мужик нестарый, тебе до смерти еще лет тридцать осталось. Коли бражничать будешь в меру. Вот и поставь из этих тридцати на кон... лет так пять. И тебе убыль небольшая, и у меня интерес появится.

Купец неуверенно улыбнулся.

– Нешто можно на кон годы поставить?

– А ты попробуй.

– Да я-то с радостью. Но не хочу, чтоб ты меня потом жуликом обзывал. Скажи хоть, что не шутишь.

– Не шучу, – твердым голосом произнес странник.

– Гм... – Булгарин слегка приободрился и даже подкрутил пальцами черный ус. – Ну, смотри, брат, не говори потом, что я тебя вокруг уса обвел. Ты сам вызвался. А ты сам-то что поставишь?

– Против каждого твоего года поставлю серебряную резанку. Идет?

– Идет.

– Ну, значит, договорились. Мешай бруски, купец.

Булгарин, все еще не веря своему счастью, быстро перемешал бруски и отсчитал себе четыре штуки. Странник тоже взял себе четыре бруска...

Взглянув на свои бруски, булгарин взволнованно облизнул губы, посмотрел поверх брусков на соперника и сказал:

– Хочу еще пять лет на кон поставить – против пяти твоих резанок. Позволишь ли?

Странник усмехнулся и кивнул:

– Позволю. Сколько хочешь, столько и ставь. Я резанками поддержу.

– Тогда ставлю сразу двадцать.

Странник невозмутимо отсчитал двадцать резанок. Купец с жадностью посмотрел на кучу серебра.

– Слышь, странник, а ведь у меня еще десять лет осталось, верно?

– Верно.

– Ну, так я и их на кон поставлю.

– Видать, хорошие брусочки у тебя на руках, купец, коли хочешь поставить все, что есть.

Что ж, мешать и перечить своему счастью не буду. Принимаю твою ставку.

На всех брусочках у купца было по четыре дырочки.

Странник прищурил глаза и стал выкладывать на стол свои брусочки – один за другим. На первом была одна дырочка. На втором – две. На третьем – три.

На секунду замешкавшись, странник выложил на стол четвертый брусочек, и на нем было четыре дырочки.

Булгарин вздохнул и отер рукою потный лоб.

– Проиграл я тебе тридцать лет жизни, странник, – с напускной горечью проговорил он. – Плохо, но ничего не поделаешь. Видать, такая у меня судьба. Ладно, пойду вздремну.

Он поднялся из-за стола, повернулся и двинулся прочь. «Дешево я отделался, – думал купец, шагая к выходу из кружала. – Ой дешево».

На душе у него, однако, было нехорошо. Странник оказался везуч, но слаб умом. И теперь купца немного мучила совесть: ведь играл он со странником на просто так, а тот в ответ ставил настоящие деньги.

«Ладно, чего уж теперь казнить. Все равно ведь не выиграл».

Булгарин вышел на улицу, посмотрел на звездное небо и вдохнул полной грудью свежий ночной воздух, пронизанный запахами мерзлой земли и сухих листьев.

За спиной у него скрипнула дверь.

– Эй, купец, – раздался негромкий голос странника.

– А, это ты, странник. Чего тебе?

– Да вот, хочу забрать свой выигрыш. Не возражаешь?

Купец улыбнулся.

– Ничуть. Что проиграно, то проиграно.

Странник шагнул к купцу, улыбнулся и вдруг схватил его за плечи и резко притянул к себе. Губы странника впились в губы булгарина крепким поцелуем.

«Что ж ты творишь, собака!» – хотел крикнуть купец, но не успел. Ноги его подкосились, грудь сдавило, дыхание сперло, и он рухнул к ногам странника семидесятилетним, морщинистым, седым как лунь старцем.

А странник вытер рукавом кафтана рот, подставил лицо лунному свету и улыбнулся. На лице его, разгладившемся и словно бы засветившемся, застыло выражение крайнего наслаждения, сутуловатые плечи расправились.

За спиной у странника скрипнули двери. Кто-то протопал сапогами мимо. Странник опустил взгляд и увидел, что двое купцов – желтоусый и одноглазый – схватили седого булгарина под руки и оттащили его к кружалу.

– Что ж это... – с ужасом проговорил один. – Совсем сед... И морщины... Брат, да что с тобой?

Дверь снова скрипнула, и на улицу вышел верзила целовальник. Посмотрел на купцов, потом перевел взгляд на странника и сказал:

– Вот оно что. Значит, ты и есть тот темный выродок, который выпивает из людей силу и жизнь.

– Он состарил нашего товарища! – крикнул одноглазый купец.

– Не дай ему уйти! – рявкнул желтоусый.

Целовальник, крепкий, могучий, широкоплечий, холодно улыбнулся и вынул из-за пояса кинжал.

– Давно я хотел с тобой встретиться, темный выродок, – процедил он сквозь зубы и медленно двинулся вперед.

– Зря ты это задумал, – тихо отозвался странник, глядя на приближающегося здоровяка холодными, мерцающими, как мерцает на железе снежная изморось, глазами. – Я всего лишь получил свой выигрыш.

Целовальник улыбнулся и кивнул, словно принял слова странника к сведению, а потом вдруг стер улыбку с губ и ринулся вперед. Однако пробежать верзила успел всего два шага. Странник вскинул правую руку и быстро наставил ее ладонью на целовальника. В тот же миг бугай остановился, словно наткнулся на невидимую стену, и изумленно уставился на странника. На мгновение купцам показалось, будто с ладони странника слетели прозрачные, как слюда, нити и мигом оплели могучее тело здоровяка.

А в следующее мгновение видение прозрачных нитей исчезло, но туловище целовальника затряслось и заходило ходуном, будто в припадке падучей. А потом вдруг стало сдуваться, как бурдюк, из которого выливают вино.

Глаза бугая ввалились в череп, щеки вжались, он постоял еще пару мгновений, а затем повалился на землю и затих. Странник устремил взгляд на перепуганных купцов.

– Ну? – угрюмо спросил он. – Кто-нибудь еще хочет?

– Я хочу, – ответил у него за спиной чистый, ясный, молодой голос.

Купцы и странник одновременно обернулись. Возле дерева, освещенный призрачным, серебристым светом луны, стоял невысокий человек с копной белых, кудрявых волос и улыбочивым лицом.

Странник посмотрел на него хмурым, неприязненным взглядом и раздраженно отчеканил:

– Я тебя не знаю. Чего тебе нужно, незнакомец?

Кудрявый, словно одуванчик, парень усмехнулся, блеснув белой полоской зубов, и сказал:

– Мне нужен ты, игрок.

– Я?

– Да, ты. Тебя кличут Тиш, верно?

Странник напрягся.

– Ты знаешь, как меня зовут?

– Выходит, что знаю. И ты тоже про меня слышал. Я Облакаст.

Игрок мрачно усмехнулся и облизнул сухие губы.

– Зачем же я тебе нужен, Облакаст?

– Ты зашел на мою землю. Здесь... – незнакомец обвел рукой окрестности, – мои охотничьи угодья.

Тиш некоторое время разглядывал белокурого выскочку, потом сплюнул себе под ноги, снова поднял взгляд и сказал:

– Это мой тебе ответ.

– Ну, пеняй на себя.

Кудрявый Облакаст вскинул руку и крикнул что-то громовым голосом. Небо стремительно заволокло тучами. Громыхнул раскат грома, и хлынул дождь. Все это произошло так быстро, что купцы испуганно присели на корточки и обмахнули себя охоронными знаками.

Новый раскат грома прокатился по небу, и в землю, в двух аршинах от игрока, ударила ослепительно-белая молния. В ответ игрок вскинул правую руку, и в свете так и не исчезнувшей луны блеснули таинственные слюдяные нити, но Облакаст ловко вильнул в сторону и увернулся от них. А после прокричал какое-то заклинание, и мощный порыв ветра ударил игрока в грудь, поднял его в воздух, пронес несколько сажень и швырнул на забор.

Однако на этот раз слюдяные, полупрозрачные нити, со свистом прошив воздух, настигли Облакаста, опутали его по рукам и ногам и повалили наземь. А потом все потонуло в грохоте грома, завываниях урагана, шуме бешеного ливня и визге летающих невидимых нитей.

Купцы при виде таких ужасов попадали на землю и закрыли головы руками.

– Чур меня, чур, – забормотал один.

А второй, вжавшись животом в землю, хрипло выдохнул:

– Правду говорят, что боги живут среди людей неузнанными! Великий Сварог, спаси нас от лютостей детей твоих!

Глава первая ПРИЗРАК

1

Много лет назад жизнь Глеба Орлова, успешного московского журналиста из двадцать первого века, закончилась. На смену ей пришла другая – жизнь средневекового охотника на нечисть, разбивающего головы упырям и вырывающего сердца оборотням. Потом была третья жизнь – жизнь фаворита княгини и полновластного хозяина Хлынского княжества. А потом он на три года погрузился в кошмарный сон. Это была четвертая жизнь. (Или – смерть?... Впрочем, если верить буддистам, жизнь и смерть – это одно и то же.)

Какую из трех этих жизней Первоход мог с полным основанием назвать своей?

О журналисте Глебе Орлове он давно уже не думал как о себе самом. А только как о давнем знакомом (настолько давнем, что даже лица его Глеб не мог как следует припомнить). Но иногда прежняя жизнь являлась Глебу Первоходу в снах, и сны эти всегда были кошмарными.

После расправы, которую он из мести учинил над князем Доброволом и его людьми, Глеб решил уехать из Хлын-града. Хлынским княжеством снова правила княгиня Наталья, и бояться Глебу теперь было вроде бы нечего. Однако воздух города душил его. И слишком живо было воспоминание о том, чем закончилась попытка улучшить этот мир.

Три года, проведенные в самой страшной из темниц мира, отрезвили Глеба и навсегда отбили у него жажду преобразований. Пусть этот чертов мир остается таким, какой он есть. Изменить в нем ничего нельзя, а значит, не стоит и пытаться.

В свой дом на берегу Эльсинского озера Глеб возвращаться тоже не захотел. За те три года, что его не было, дом наверняка разграбили, теплицы – разломали, а его роскошный сад, в который он вложил столько сил, скорее всего, вырублен завистливыми соседями.

Отомстив князю Доброволу, Глеб понял, что уткнулся лбом в тупик, выхода из которого он не видел. Справиться с депрессией помог алкоголь, но однажды, протрезвев от винных паров, Глеб с удивлением обнаружил, что теперь он – охоронец купеческого каравана, а его сумка набита серебром и золотом.

Поразмыслив, Глеб решил, что охранять купеческие караваны – дело как раз для него, и, вновь обретя видимость душевного спокойствия, отставил алкоголь в сторону – до лучших (или же до худших?) времен.

Сейчас он ехал рядом с обозом на гнедом, крепком жеребце и пребывал в странном состоянии. После трех недель отсутствия караван возвращался в Хлын-град, и чем ближе они подъезжали к городу, тем беспокойнее и тревожнее делалось на сердце у Глеба. И дело тут было не в прошлом, а скорее в будущем. Душу Первохода томили неприятные предчувствия.

«Что-то случится, – твердил ему внутренний голос. – Что-то обязательно случится».

Купец Онгудай, ехавший в пустой телеге, взглянул на Глеба и проговорил:

– Повезло нам с тобой, ходок. Кабы не ты, порубили бы нас душегубы в Еланском лесу.

– Может, да, – сказал Глеб. – А может, нет.

– Точно порубили бы. Но вместо этого ты порубил их. И как ловко порубил! Любо-дорого было посмотреть! Скажи-ка, Первоход, где ты так здорово научился махать мечом?

– В Гиблом месте, – ответил Глеб. – Всем, что я умею, я обязан ему.

– Эвона как... Стало быть, тебе Гиблое место принесло не зло, а пользу. Бывают же чудеса на свете! А скажи-ка, Первоход, что такое это Гиблое место?

– Никто не знает, Онгудай, – нехотя отозвался Глеб.

– А верно говорят, что получилось оно от того, что тысячу лет назад на Кишень-град упала с неба железная звезда?

– Думаю, что да, – ответил Глеб. – Но проверить это никто уже не сможет.

– Да, дела... Слышал я еще, что на той звезде были боги и что боги те пали на землю вместе со звездой. Это тоже правда?

Глеб хмуро покосился на купца. Провернув несколько выгодных сделок, Онгудай из скупого на слова и деловитого купца превратился в болтливого бездельника. Впрочем, он мог себе это позволить.

– Я не знаю, купец, – ответил ему Глеб. – Может быть, это и были боги. Но, судя по тому, сколько драни они оставили в Гиблой чащобе, я бы скорее назвал их разгильдяями.

Купец Онгудай нахмурился, лениво обмахнул себя охоронным знаком против злых сил, потом зевнул, лег на рогожу и закрыл глаза. День выдался теплый, безветренный, они ехали по открытому большаку, и солнце слегка припекало. Вскоре Онгудай задремал, но Глебу не суждено было проехать остаток пути до города в молчании.

Один из молодых купцов, сопровождавших Онгудая (их было двое, и Глеб до сих пор не смог запомнить их имен, поскольку оба казались ему на одно лицо), нагнал Глеба и поехал рядом, переведя свою каурую крепконогую кобылу на шаг.

– Можно тебя спросить, Первоход?

– Спрашивай, – нехотя разрешил Глеб.

– Твоя жизнь наполнена приключениями, большинство которых были крайне опасными. Многие молодые купцы тебе завидуют, но я... Я не знаю, хотел бы я себе такую жизнь, как твоя, или нет.

Несколько секунд они ехали молча, потом Глеб спросил:

– Так в чем вопрос, купец?

– Нравится ли тебе такая жизнь, Первоход? Доволен ли ты ею?

«Похоже, что болтливость Онгудая заразна», – с неудовольствием подумал Глеб. А вслух сказал:

– Я не выбирал эту жизнь. Она сама выбрала меня.

– Но ты можешь ее переменить?

Глеб покачал головой.

– Нет, не могу. Каким бы ни был мой путь, я должен пройти его до конца.

Молодой купец обдумал слова Глеба, потом снова с любопытством посмотрел на него и уточнил:

– И куда ведет твой путь, Первоход?

Глеб усмехнулся.

– Подозреваю, что никуда.

– Тогда почему ты по нему идешь?

– Потому что я ходонок, а не купец и не землепашец.

Молодой купчик улыбнулся, затем прищурил любопытные глаза и заявил:

– Быть может, у меня больше никогда не будет возможности поговорить с тобой, великий Первоход. Ты ответил мне в шутку, но я хочу услышать, что ты думаешь на самом деле. Для меня это важно.

Глеб на мгновение задумался, потом сказал:

– Что ж... Пожалуй, я могу ответить серьезно. Я иду по своему пути, потому что мираж, который я вижу впереди, внушает мне больше надежд, чем темная неопределенность, которую я оставляю за спиной. Хотя, скорее всего, все будет ровно наоборот.

Молодой купец на всякий случай обернулся, опасаясь, по всей вероятности, увидеть за спиной «темную неопределенность», о которой говорил Первоход, потом нахмурился и вздохнул:

– Боюсь, что я не понял ни слова из того, что ты сказал, Первоход.

– Понял ты или нет, это ничего не изменит, – отчеканил Глеб. – Ни в твоей жизни, ни тем более в моей.

Однако любопытный купчик не намерен был сдаваться. Он улыбнулся, давая понять, что оценил юмор ходока, а потом в третий раз повторил свой вопрос:

– И все-таки, ходок, что будет в конце твоего пути?

Глеб почувствовал раздражение. Скосив глаза на купца, он ответил:

– В конце пути нас всех съедят, друг. А задашь еще хоть один вопрос, я сам тебя сожру.

Угроза подействовала, и любопытный купчик, нахмурившись, осадил лошадку и отвялся от Глеба.

Проехав полем, они снова углубились в тенистый лес. На душе у Глеба становилось все тревожнее. Он стал внимательнее всматриваться в лес и прислушиваться к его шорохам, но не видел и не слышал ничего подозрительного. Это должно было успокоить Глеба, но странным образом растревожило его еще больше.

Он чувствовал – что-то должно случиться, но не мог определить, откуда ждать беды. На всякий случай Глеб пустил коня в рысь и обогнал обоз, чтобы встретить опасность первым, если таковая появится.

Не успел он проехать и двадцати метров, как резко осадил коня и вскинул руку кверху, призывая караван остановиться. Знак этот был обговорен заранее, и караван послушно встал. Кто-то из купцов окликнул было Глеба, но он подал новый знак – «Всем молчать!».

Затем внимательнее пригляделся к тому, что лежало на дороге. Это было человеческое тело, и выглядело оно ужасно. Птицы и мелкие грызуны изрядно над ним потрудились. Судя по всему, оно лежало тут не первые сутки.

Глеб не торопился делать выводы. Он вновь пристально оглядел деревья и кустарники, наострил слух и долго вслушивался в звуки леса, стараясь вычленить из них что-то чуждое и необычное. Но и на этот раз он ничего не почувствовал.

«Уж не изменяет ли мне моя интуиция?» – пронеслось в голове у Глеба.

Он нахмурился и осторожно пустил коня вперед, но конь, пройдя пару шагов, остановился как вкопанный и возмущенно и испуганно захрапел, не желая идти дальше.

«Конь что-то чувствует, – подумал Глеб. – А я – нет».

Он быстро и бесшумно спешился, подвел коня к ближайшему дереву и закинул узду на торчащую кверху ветку. Затем стал медленно и осторожно приближаться к телу, оглядывая ближайшие кусты придирчивым, недоверчивым взглядом.

Наконец, он остановился возле тела, присел на корточки и оглядел его получше. Это была девушка. Молодая и когда-то красивая. Судя по состоянию тканей, уже тронутых тлением, она и впрямь была мертва не меньше суток. Горло бедняжки было перерезано от уха до уха.

Мертвый и ограбленный странник – зрелище довольно обычное для большака. В былые времена разбойники оттаскивали убитых в кусты, но то было раньше. Нынешние душегубы со своими жертвами не церемонились.

Однако чаще всего на пути попадались мертвые купцы или путешественники, но молодая, красивая девушка... Как могла она забрести в такую глушь? Отправилась в лес за грибами? Одна?... Да и не походила она на деревенскую простушку. Одежда на ней была небедная и почти роскошная. Такую одежду носят дочери оборотистых купцов.

Глеб еще раз оглядел кусты и деревья и снова перевел взгляд на мертвую девушку. У него неприятно засосало под ложечкой. Что-то во всем этом было не так.

Поначалу Глеб не понял, что именно его встревожило, но через несколько секунд догадался. Мертвая, тронутая тлением, обьеденная животными и поклеванная птицами, девушка совсем не источала смрад. Она вообще не пахла – никак и ничем, словно была не мертвецом, а глиняной куклой.

И вдруг покойница открыла глаза и уставилась на Глеба. От неожиданности он попятился и едва не упал.

Девушка улыбнулась и сказала:

– Привет!

– Кто ты? – хрипло спросил обалдевший Глеб. – Кто ты такая?

Девушка прищурила черные, чуть раскосые глаза и тихо пробормотала, подражая голосу Глеба:

– Кто ты? Кто ты такая?

Лицо ее стало быстро преображаться, и вот уже на Глеба смотрело его собственное лицо, только гораздо моложе и милее, чем оно было на самом деле.

Первоход тряхнул головой. «Надо завязывать с водкой и олусом», – подумал он. А вслух растерянно пробормотал:

– Что все это значит?

Девка снова стала девкой, улыбнулась и ответила:

– Это значит, что ты попался! Доставай кошель, купец! И гляди мне, потянешься за мечом – убью!

Острие кинжала ткнулось Глебу в шею.

2

Сжимая в одной руке кинжал, другую девушка поднесла к лицу, сунула два пальца в рот и громко свистнула. Послышался громкий треск, и из леса высыпала ватага разбойников, вооруженная мечами, луками и топорами.

Купцы, их помощники, а также трое охоронцев, с которыми Глеб за всю дорогу не перекинулся ни словом, соскочили с телег, закричали и выхватили мечи. Все произошло быстро, почти молниеносно. Еще несколько секунд назад лес был тих, а большак спокоен, и вот уже на большаке, вокруг стоящих телег, завязалась кровавая бойня.

Девушка рывком села и хотела что-то сказать Глебу, но он быстро отпрянул, сильным ударом руки выбил кинжал из ее тонких пальцев и, резко качнувшись вперед, въехал разбойнице лбом в переносицу. Затем вскочил на ноги, выхватил из-за спины обрез охотничьего ружья и первым же выстрелом прострелил самому могучему из разбойников плечо.

Тот вскрикнул и выронил топор, а Глеб еще дважды спустил курок, и еще два разбойника повалились на землю.

Возле уха Глеба просвистела стрела, он резко развернулся и сшиб лучника с ног выстрелом в грудь.

Грохот выстрелов заставил разбойников умерить прыть, а когда четверо из них остались лежать в пыли, прочие снова брызнули в кусты, как шакалы, бросившие добычу, испугавшись появления разъяренного медведя.

Глеб оглянулся на девку. Никакой девки на большаке не было. Зато с того места, где она только что лежала, взвился маленький вихрь, похожий на смерч, пронесся по большаку и сбил с ног одного из охоронцев.

Глеб грубо выругался, в два прыжка настиг смерч, сбросил с плеч свой плащ и накрыл им кружащееся черное облако. Однако в следующий миг грозная сила выбила у ходока из рук ольстру и отшвырнула его в сторону, а из-под плаща, грузно махнув крыльями, вылетела небольшая, но жутко зубастая спуржун-птица.

Чудовище щелкнуло пастью, и один из охоронцев с криком отскочил к обочине дороги, а из плеча у него брызнула кровь. Глеб, рывком вскочив на ноги, подбежал к спуржун-птице. Чудовище рванулось вверх, но Первоход схватил ее одной рукой за когтистую лапу, а второй рукой выхватил из ножен меч.

Ходок рубанул взлетающую птицу мечом, но она увернулась и стремительно спикировала вниз. Ударившись об утоптанную землю большака, спуржун-птица превратилась в крупную рысь.

Раненый охоронец, сжав в руке меч, встал у нее на пути, но рысь одним ударом мощной лапы сшибла его с ног и ринулась в сторону леса. Однако Глеб был уже рядом. Он вскочил рыси на спину и обхватил ее шею руками. Рысь протащила его на себе пару сажений, а потом завалилась набок и снова превратилась в девку.

Руки Глеба крепко сдавили ей шею, и девка засучила ногами, захрипела.

– Ольстру! – крикнул Первоход бешеным голосом. – Дайте мне ольстру!

Купец Онгудай быстро поднял с земли ольстру, подбежал к Глебу и сунул ольстру в его протянутую руку. Глеб выпустил из пальцев нежную шею девушки и приставил дуло ольстры ей к затылку.

– Только дернись, тварь! – грозно пророкотал он. – Отстрелю башку к едрене фене!

Девка затихла под ним, хрипло дыша и уткнув лоб в землю.

Глеб огляделся и оценил потери. Один молодой купец был ранен в руку. Один охоронец убит. Еще один ранен. Купцу Онгудаю меч разбойника оцарапал щеку.

* * *

После того как Глеб в третий раз брызнул в лицо разбойнице водой, она наконец открыла глаза. Глеб убрал в сторону бурдюк с водой и снова приставил дуло ольстры к голове разбойницы. Девушка скосила глаза на ствол, удивленно приподняла брови и спокойно осведомилась:

– Это что?

– Посох Перуна, – в тон ей ответил Глеб. – Слыхала про такой?

Девка качнула головой.

– Нет.

Глеб прищурился.

– Не здешняя?

Разбойница несколько секунд молчала, спокойно и даже слегка насмешливо разглядывая Первохода, потом ответила:

– Мы с ватагой пришли из Зельцких лесов.

– Вот оно что. А...

Девка странно улыбнулась.

– Думаешь, ты поймал меня?

Глеб тоже усмехнулся, но усмешка у него вышла холодной и безжалостной.

– А на что, по-твоему, это похоже?

– На то, что ты дурак, – сказала девка и вдруг стала прозрачной, как стекло. Длилось это мгновение, а потом разбойница обрушилась на землю водой.

Бурлящий ручеек воды устремился в овраг, и не успел Глеб прийти в себя от изумления, а уже на земле перед ним было одно лишь пустое и сухое место.

– Ускользнула! – ахнул один из купцов.

– Просочилась! – воскликнул другой.

– Колдунья! – прохрипел выживший охоронец.

Глеб пощупал землю, понюхал пальцы и озадаченно нахмурился. С таким колдовством ему еще не приходилось встречаться.

– Первоход, что за тварь это была? – дрогнувшим голосом спросил с телеги купец Онгудай.

Глеб молчал, размышляя.

– Надо думать – русалка, – проговорил охоронец таким же голосом, как Онгудай.

Первоход снова осмотрел пустое место перед собой, задумчиво нахмурил лоб и покачал головой:

– Нет, братцы. Это была не русалка.

– Но ведь она темная тварь, верно? – снова спросил кто-то из обоза.

Глеб поднялся на ноги, повернулся и ответил:

– Темные твари обычно не заходят так далеко от Гиблого места.

– Но ведь эта зашла, – возразил охоронец.

– И не только зашла, но и спуталась с разбойниками, – проговорил угрюмо купец Онгудай. – Вот чудеса-то.

Первоход еще несколько секунд думал, потом покачал головой и сказал:

– Нет, купцы, тут что-то другое.

Взгляды купцов и охоронцев устремились на него.

– Что ж? – тихо спросил охоронец.

Глеб еще больше нахмурил лоб, вздохнул и ответил:

– А вот этого я пока не знаю.

3

В кружале былолюдно, столы почти все заняты, но Глебу вполне хватало деревянной стойки, за которой колдовал с кувшинами, кружками и стаканами бородатый целовальник.

Первоход успел выпить... Впрочем, никто, кроме целовальника, не знал, сколько он успел выпить (включая и самого Глеба). Поэтому следует сказать обтекаемое: выпив кружек безмерно и стаканов бесчисленно, Глеб почувствовал, что настроение его слегка приподнялось, а история с превратившейся в воду девкой слегка стерлась из памяти.

Он отхлебнул олуca и оглядел зал.

Зал как зал, ничего интересного. Обычные бородатые физиономии купцов, крепких землешцев и заезжих путешественников. Когда Глеб снова повернулся к стойке, он увидел, что по другую сторону от него уселся на высокую лавку сгорбленный человек в просторном темном плаще. Голову и лицо его прикрывал капюшон.

Глеб отхлебнул олуca, облизнул губы и вновь покосился на согбенного странника.

– Эй, старец, издалика ли пришел? – окликнул он.

– Издалика, молодец, – ответил странник хриловатым, надтреснутым голосом.

– И как тебе у нас, в Хлынь-граде?

– Да так же, как везде. Мир одинаков. Повсюду живут люди, а среди них есть добрые и злые.

Глеб улынулся.

– И кого же в мире больше – добрых или злых?

– Да ведь это как когда. Коли время спокойное, то добрых больше.

– А коли беспокойное?

– Тогда, конечно, больше злых.

– И отчего же так, отец?

– Оттого, сынок, что зло делать проще, чем добро. Оно не требует усилий, а человек ленив и не любит напрягаться.

Глеб вновь отхлебнул из своей кружки, швырнул в рот соленый сухарик, раскусил его зубами и сказал:

– А ты, дедуля, и впрямь мудрец. Вот только зло иногда тоже требует усилий. Чтобы что-то сломать, тоже приходится напрягаться.

– Верно, – согласился странник. – Только ведь люди этого не понимают.

Глеб тихо засмеялся.

– Ты мне нравишься, отец! Выпьешь со мной?

– Нет. Я хмельного не пью, а жажда меня не мучит.

– Ну, как знаешь.

Глеб потянулся за кувшином, чтобы наполнить кружку, но странник быстро выпростал руку из-под плаща и перехватил запястье Первохода. Хватка у старца была невероятно крепкой. Глеб удивленно посмотрел на торчащую из-под капюшона бороду и хрипло спросил:

– Кто ты такой, старик?

– А с чего ты взял, что я старик?

Выпустив руку Глеба, странник взялся за края капюшона и откинул его с головы. С молодого, испещренного шрамами лица на Глеба смотрели спокойные серые глаза.

– Охотник Громола? – Глеб не поверил своим глазам, тряхнул головой и провел перед лицом рукой, надеясь, что наваждение рассеется. Но не рассеялось.

Глеб хмыкнул:

– Ясно. Коли я тебя вижу, значит, я и впрямь чертовски сильно пьян.

– Ты думаешь?

– А чего тут думать? Прости, охотник, но в трезвом виде я с мертвецами не разговариваю.

– Так ты думаешь, что я мертвец?

– А разве нет?

Призрачный охотник посмотрел на свои загорелые руки, перевел взгляд на Глеба и сказал:

– Все не так просто, Первоход. Мир людей и мир Тьмы разделяет граница. Тьма постоянно делает попытки прорваться к людям. Гончие смерти, Призрачные всадники – все это были ее посланники. Но мы с тобой сумели их остановить, верно?

– Это было не слишком сложно, – сказал Глеб.

Охотник холодно усмехнулся.

– Да, ты прав. Но на этот раз все гораздо страшнее. Зло, которое рвется сейчас через эту границу, столь могуче, что в сравнении с ним Гончие смерти – жалкие бродячие шавки, а Призрачные всадники – всего лишь мотыльки-переростки. Все эти твари были порождениями Тьмы, но теперь к нам рвется сама Тьма. Если ты не поможешь ее остановить, всему здесь придет конец.

Глеб почувствовал раздражение. Дернув плечом, он сухо проговорил:

– Ну и пусть приходит. Эта седая древность – не мой мир. Это всего лишь идиотское прошлое, в которое меня занесло дурацким колдовским ветром.

– Без прошлого нет и будущего, – веско возразил охотник. – Если этот мир погибнет, твой никогда не появится.

Лицо Глеба потемнело.

– И что я должен делать? – хмуро спросил он. – Препградить Тьме дорогу и надавать ей по шее? Что ж, это я могу.

Охотник Громол покачал головой и сказал:

– На этот раз все слишком серьезно. Ты не сможешь противостоять Тьме в одиночку. Тебе понадобятся помощники.

– Будь по-твоему, – немедленно согласился Глеб. – Ты иди вперед, а я соберу банду и отправлюсь за тобой вдогонку. Вот только допью свой олус и сразу же...

– И кого ты хочешь «собрать»? – перебил Громол.

Глеб пожал плечами.

– Да мало ли отребья в княжестве? Дай каждому из местных бродяг по серебряной резанке, и он пойдет за тобой в огонь и в воду.

Охотник долго молчал, пристально и холодно глядя на Первохода, потом вздохнул и сказал:

– Ты ничего не понял. Но это моя вина. Видимо, я плохо тебе объяснил. Когда я говорил о помощниках, я не имел в виду бродяг.

– Правда? Кого же ты имел в виду?

Громол выпятил вперед подбородок и торжественно произнес:

– Тех, кто наделен силой богов!

Глеб усмехнулся:

– Ох, старина, сбавь пафос. И умоляю: не говори зловещими загадками. Или ты думаешь, что стоит мне свистнуть, и боги слетятся на мой свист, как дрессированные голуби?

– Я говорил не о богах, Глеб. Я говорил о тех, кто наделен их силой.

– И кто же это? – прищурился Глеб. – Упыри? Стригои?оборотни? А может быть, какие-нибудь особенные люди?

Громол снова выставил подбородок и произнес прежним торжественным голосом:

– Я называю их детьми падших богов. А если проще – детьми хвостатой звезды.

– Да, это действительно «проще», – заметил Глеб с иронией в голосе. – А теперь дай-ка сообразить. Значит, перед тем, как рухнуть на землю и окочуриться, падшие боги успели настрогать детишек? Быстро это у них получилось.

Взгляд Громола снова похолодел.

– Не время шутить, Первоход, – серьезно проговорил он. – Слушай и запоминай: ты должен собрать отряд. Когда ты это сделаешь, я снова появлюсь перед тобой и провожу вас к тому месту, откуда Тьма начнет свой поход против мира людей. Остальное будет зависеть от тебя и от тех, кого ты приведешь с собой.

– Но ты так и не сказал, кого я должен привести, – напомнил Глеб.

– Разве не сказал? Что ж, тогда скажу сейчас. Они – потомки жителей Кишень-града, рассеянные по всему свету. Они выглядят в точности как люди. Много сотен лет их способности дремали. Но два года назад в небе пролетела хвостатая звезда, и она пробудила их способности. Я наделю тебя даром особого чутья, Первоход. Так, чтобы ты смог разыскать потомков падших богов.

– Их много? – уточнил Глеб.

– Десятки. Но большинство из них слишком слабы, и способности их лишь немногим отличаются от обычных. По-настоящему сильных всего семеро. Найди их, Глеб. Ты должен уложиться в две седмицы. И помни – Тьма уже у ворот. И на этот раз ее усилия могут увенчаться успехом. Отправляйся в путь сегодня же!

Громол сунул руку за пазуху и достал небольшую берестяную коробку.

– Возьми это, – сказал он и протянул коробку Глебу.

Глеб посмотрел на коробку и, подозрительно прищурившись, осведомился:

– Что в ней?

– Жуки, – ответил Громол.

– Это что, шутка? Ты шутишь, Громол?

Однако лицо охотника оставалось серьезным. Глеб тоже согнал усмешку с губ.

– Вижу, что нет, – констатировал он. – И на кой черт мне сдались жуки?

– Это не обычные жуки. Их челюсти способны разгрызть даже железо. И они очень послушны. Покорми их один раз мясом, и они станут считать тебя своим хозяином. А дальше – желай, что хочешь, они исполнят все. Все, на что способны, разумеется.

Глеб взял коробку, повертел ее в руках, затем сунул в карман.

– Прости, что не выручил тебя из Мории, – сказал Громол, чуть понизив голос. – Я пытался явиться к тебе во сне, но так и не смог пробиться через стену, воздвигнутую волхвами.

Глеб положил охотнику руку на плечо и проникновенным голосом произнес:

– Не казни себя, друг. Я уверен, что ты сделал все, что мог. Ты и сейчас делаешь все, что можешь. Дал мне дельные советы, подарил жуков... Если на нас нападет орда божьих коровок, я пушу этих жуков в арьергарде своей армии. Будь за нас спокоен.

Громол прищурил серые глаза и усмехнулся.

– Узнаю прежнего Глеба Первохода. Теперь я точно могу уйти. Не злоупотребляй водкой и олусом. Теперь тебе понадобятся не только крепкие мускулы, но и ясная голова. Прощай!

Охотник поднялся с лавки, опустил капюшон на голову, повернулся и зашагал к двери, выцветая по пути и теряя очертания. Еще не дойдя до двери, он растворился в воздухе. Его тень сделала еще несколько шагов, но затем исчезла и она.

Глеб посмотрел на бородатого целовальника, с отвлеченным видом протирающего рушником оловянный стаканчик, и спросил:

– Эй, целовальник! Ты его видел?

– Кого? – ответил тот вопросом на вопрос.

– Охотника. Он сидел рядом со мной.

Брови целовальника слегка приподнялись.

– Ты все время был один, Первоход, – сказал он.

– Ты уверен?

– Конечно.

Глеб провел ладонью по лицу. Затем снова взглянул на целовальника и спросил:

– И что я делал?

– Ничего. Просто пил свой олус и что-то тихонько бубнил себе под нос.

– Что бубнил?

Толстяк пожал плечами:

– Не знаю. Я разобрал только одно слово.

– Какое?

Целовальник поставил стаканчик на поднос, посмотрел Глебу в глаза и ответил:

– Это было слово «тьма». Ты выпил целый кувшин крепкого, как вино, олуса, – сказал целовальник. – Тебе многое могло привидеться.

– Ты прав, – согласился Глеб. – В последнее время я слишком много пью. Пора с этим завязывать.

Несколько мгновений он мрачно раздумывал над словами целовальника, затем, вспомнив что-то, сунул руку в карман и достал берестяную коробку.

– Смотри! – сказал он целовальнику и потряхнул коробкой. – Это доказательство того, что я не сумасшедший!

– И что там? – осведомился целовальник.

– Жуки! После того как я покормлю их мясом, они выполняют любое мое приказание!

Теперь ты видишь, что я не сумасшедший?

Целовальник отвел взгляд.

– Да, Первоход, – спокойно сказал он. – Теперь я это вижу.

– То-то же! – И Глеб с торжествующим видом убрал коробку в карман.

Целовальник, давно привыкший к странностям своих клиентов, кивнул на кувшин и спросил:

– Хочешь чего-нибудь на закуску, Первоход?

Глеб вздохнул, потом с улыбкой посмотрел целовальнику в лицо и ответил:

– Да, друг. Подай мне кувшин ледяной воды, жареного цыпленка и блюдо с тушеными овощами. Я не ел со вчерашнего вечера, а чует мое сердце – мне теперь понадобятся силы. Много сил. Да, и убери от меня олус. Сегодня мне больше не хочется хмельного.

4

Глеб шагал по пустынной, грязной улице и размышлял о своем разговоре с Громолом. Появления Призрачного охотника не сулили ничего хорошего. Каждый раз, когда Гролом вот так же неожиданно появлялся перед Глебом, бедному ходоку приходилось идти в какое-нибудь жуткое место, кишасщее темными тварями, и рисковать жизнью.

Одно было хорошо: если Глеб справлялся с очередным заданием, на его правом предплечье, иссеченном шрамами, становилось на один шрам меньше. На один шрам меньше – и на один шаг ближе к возвращению домой, в свой мир, в свое время...

Место, по которому шагал Глеб, было безлюдное. А потому – дорогая, крытая роскошными тканями телега, вынырнувшая из-за угла, выглядела здесь совсем неуместно. Телега остановилась рядом с Глебом. Первоход тоже остановился, посмотрел на телегу и громко воскликнул:

– Здравствуй, княгиня!

Шторка крошечного окошка отъехала в сторону, и в нем появилось лицо княгини Натальи.

– Здравствуй, Первоход.

Глеб не видел княгиню больше трех лет, и за это время она сильно сдала. Прежде красивое лицо ее стало резким и неприятным. Несмотря на отсутствие морщин, в нем проступило что-то старушечье.

– Мне сообщили, что ты вернулся в город, но я не поверила. Хотела убедиться своими глазами. Позволь задать тебе вопрос, Глеб.

– Задашь. – Первоход сузил глаза. – Но сперва я. Что слышно о князе Доброволе? Он по-прежнему числится в «пропавших без вести»?

По лицу княгини пробежала тень.

– Я послала на его поиски трех лучших своих охотников, а с ними – лучших псов из псарни Добровола. Вернулся лишь один охотник. Он сказал, что псов разорвала и съела неведомая тварь. А двух его товарищей... – Княгиня запнулась и с усилием договорила: – Их обглоданные кости с остатками одежды мои слуги нашли в овраге, за черным яром.

– Плохо дело, – сказал Глеб. – Боюсь, твой муж окончательно превратился в чудовище.

– Не будь так жесток, Глеб, – проговорила Наталья дрогнувшим голосом. – Ведь это *ты* сделал его таким. Поверь мне, Добровол был вовсе не так плох, как ты о нем думал. А то, что он отправил тебя в Морию, было просто ошибкой. Он погорячился. Поспешил, понимаешь?

Глеб молчал, разглядывая лицо княгини странным взглядом. Она выдавила из себя улыбку и тихо спросила:

– Что ты на это скажешь, Первоход?

– Что скажу?... – Глеб сделал серьезное лицо и продекламировал: – Суслик Володя жил у подружки. Долго мечтал он о мягкой подушке.

На лице княгини появилось недоумение.

– Чего?

– Ничего, кроме того, что ты услышала. Мне пора, княгиня. И умоляю тебя: ну не попадайся ты больше у меня на пути. Я всегда относился к женщинам лояльно, но когда я вижу тебя, я чувствую, что моя лояльность тает, как сливочное масло на сковородке. Да, и кстати. Позволь тебе напомнить, что Добровол вскарабкался на княжеский трон, пока я дрался с нечистью и спасал ваше гребаное княжество от сил Тьмы.

– Ты уже достаточно отомстил ему, – тихо проронила Наталья. – И если ты приехал сюда, чтобы выследить его и убить...

– Я тебя умоляю, – скривился Глеб. – «Убить». Да твой любезный Добровол давно мертв. Он совершил сделку с лесной ведьмой Мамелфой и отдал ей свое живое сердце в обмен на обещание вечной жизни.

И вновь по бледному, гладкому лицу княгини пробежала темная рябь.

– Первоход, я...

– Княгиня, я устал от ваших дрызг, – устало заявил Глеб. – И не хочу больше связываться ни с боярами, ни с тобой. Оставьте меня в покое. Я пойду своей дорогой, а вы с Доброволом – своей. Прощай!

Он повернулся и хотел идти, но Наталья высунулась в окошко и взволнованно окликнула:

– Подожди, Первоход!

Глеб остановился.

– Что еще?

– Не сердись на меня. Ты в нашем городе почетный гость. Вчера, едва узнав о том, что ты вернулся, я отдала приказ, чтобы тебя встречали и угощали в каждом кабаке Хлынь-града бесплатно. И чтобы на каждом постоялом дворе для тебя всегда готова была комната.

– Какая трогательная забота, – усмехнулся Глеб. – Что ж, я непременно воспользуюсь благами, которые дает мне мое новое положение. Всего доброго, пресветлая княгиня!

Он церемонно поклонился, поправил на плече ольстру и зашагал дальше.

Княгиня проводила его взглядом и устало откинулась на спинку скамеечки.

– Он не поверил в твою искренность, княгиня, – сказала старуха-служанка, сидевшая рядом.

– Не поверил, – тихо повторила Наталья.

Старуха усмехнулась.

– Мужчины уверены, что видят нас насквозь, а сами не замечают даже очевидного. Ты все еще любишь этого ходока, и за время разлуки любовь твоя стала только крепче. Хочешь, я догоню этого слепца и попытаюсь все ему втолковать?

Наталья покачала головой.

– Нет, Каргета. У нас все равно ничего не выйдет. Даже если мы попытаемся снова. Я княгиня, а он – ходок.

– Когда-то ты считала его самым сильным и красивым мужчиной в княжестве.

– Я и сейчас так считаю, – тихо и горестно проговорила Наталья. – И я... я боюсь его. Каждый раз, когда Глеб Первоход появляется в городе, здесь начинают происходить страшные и необъяснимые события. И каждый раз, когда Глеб уходит, он оставляет за спиной выжженную пустошь.

– Как ты можешь так говорить, княгинюшка? Первоход борется с нечистью. Он много раз спасал нас.

– Неужели ты не понимаешь, что он притягивает к нашему городу беды? Неужели только я одна это вижу?

Старуха пожала обвисшими плечами, а Наталья вздохнула и холодным, властным голосом отчеканила:

– Ладно, не стоит больше об этом говорить. Каргета, напомни мне, когда приедем в терем, чтобы я приказала выпороть охоронцев. Они не должны были отпускать нас одних на эту темную, страшную улицу.

– Княгиня, но ведь ты сама приказала им...

Наталья дернула бледной щекой.

– Мало ли что я приказала. Они обязаны всегда, в любое время дня и ночи, быть подле меня. Эй, возчик, вези нас обратно в терем! Да поживее!

5

Глеб Первоход не был в Гиблом месте три года, однако он слышал, что промысел ходоков продолжает приносить неплохие барыши. Количество чудныѐх вещей в аномальной чашобе не уменьшилось.

Купцы рассказывали, что в последние месяцы ходоки и добытчики частенько находили в Гиблом месте несгораемые поленья, тлеющие нескончаемым огнем. Очень полезная вещь – хоть щи сварить, хоть горницу согреть.

Кроме того, ходоки стали часто находить палки-глумки. Берешь такую палку в руки – а она мягкая, как веревка, хоть на руку ее наматывай. Но стоит хлестнуть глумкой об землю или пол, и она тут же становится крепкой, как железо. С такой дубиной и на врага, и на зверя. Только в воду окунать нельзя, потому как тут же снова становится мягкой.

За три года Глеб порастерял больше половины полезных знакомств. Иных барыг зарезали разбойники и душегубы, после того как получили в обмен на свои деньги «некачественный товар» (а как определить – качественный «товар» или нет, когда имеешь дело с чудноѐй вещью?). Других убили сами чудныѐе вещи (случалось и такое). А третьи разбогатели и ушли из опасного промысла, вложив заработанные деньги в добычу огневого зелья или производство рыбьего клея.

И все же Глеб был уверен, что самый ловкий из барыг, одноглазый Бельмец, все еще в деле. Он был так же отравлен Гиблым местом, как ходоки и добытчики, и работал не только за выручку, но и за азарт.

Бельмеца Первоход нашел возле сгоревшего амбара Маросея Хромого. Одноглазый барыга сидел на лавке и щелкал орехи. Он был один, но Глеб знал, что где-то неподалеку притаились верные телохранители Бельмеца, которым он отстегивает за охрану четверть своего барыша.

– Здравствуй, Бельмец, – поприветствовал барыгу Глеб и остановился перед лавкой.

– Кого я вижу! – Барыга усмехнулся. – Давненько тебя не было в наших краях, Глеб!

– Всего неделю, – сухо возразил Первоход.

Одноглазый барыга кивнул.

– Верно. Но я-то не видел тебя целых три года. Я слышал, после смерти князя Добровола княгиня вновь простила тебя и отменила награду за твою голову. Это приятная новость!

Глеб прищурил недобрые, холодные глаза.

– Для кого?

– Для всех, – подобострастно улыбнулся Бельмец. – Больше не будет охочих заполучить твою голову и преподнести ее князю на серебряном блюде. А значит, мертвецов в Хлынѐ-граде заметно поубавится. Ведь каждый, кто решается бросить тебе вызов, погибает от твоей руки.

Глеб улыбнулся.

– А ты, я вижу, ничуть не изменился, Бельмец. Такой же болтун, как и три года назад.

Барыга сипло засмеялся.

– Верно, болтаю я много! Но отчего же не поболтать со старым другом?

– Врешь ты, Бельмец, – спокойно произнес Глеб. – Никогда мы с тобой не были друзьями. И никогда не будем. А теперь кончай ржать и поведай мне, какие чудныѐе вещи у тебя имеются?

Одноглазый барыга вмиг напустил на себя деловой вид.

– Чудныѐх вещей нынче много, Глеб, – сказал он. – С тех пор как князь Добровол скончался от удара, ходоки шастают в Гиблое место едва ли не каждый день. Кордоны охоронцев еще стоят, но стражу несут из рук вон плохо. Тебе нужно что-то особенное?

Глеб подумал и кивнул:

– Пожалуй, да.

– И что же?

Первоход посмотрел барыге в лицо и спокойно произнес:

– Силки Зигвуда.

Брови одноглазого барыги взлетели вверх.

– Силки Зигвуда? – Он присвистнул. – Давненько у меня их не спрашивали. На кого же ты собираешься охотиться с этими Силками, Первоход? Неужели в Гиблом месте объявилась новая страшная тварь?

Глеб прищурил карие глаза и холодно осведомился:

– Давно ли ты стал отвечать вопросом на вопрос, барыга?

Бельмец примирительно улыбнулся и захлопал ресницами.

– Прости, ходок. Ты ведь в курсе, что Силки Зигвуда – товар редкий и опасный? Знавал я двух ходочков, которые не справились с Силками. Один из них лишился рук, а второй расстался с жизнью.

– И снова ты болтаешь лишнее, – одернул его Глеб. – Так есть у тебя Силки Зигвуда или нет?

Бельмец несколько секунд разглядывал Первохода пытливым взглядом, а затем осторожно, чтобы не вызвать у Глеба гнев, осведомился:

– Прежде чем ответить тебе, позволь я все же спрошу. При деньгах ли ты нынче, Первоход? Ибо товар, о котором ты спрашиваешь, редок и стоит чрезвычайно дорого.

Глеб сунул руку в карман и достал тугой кожаный кошель. Взгляд Бельмеца устремился на кошель, а его единственный зрячий глаз замерцал алчным светом.

Глеб ослабил тесьму кошель, сунул туда пальцы и достал три золотых монеты.

– Золото! – хрипло вымолвил Бельмец и облизнул пересохшие от волнения губы. Затем поднял взгляд на ходочка и тихо произнес: – В наше время даже серебро нечасто встретишь. А золотых монет я не видел много месяцев, Первоход. Даже успел позабыть, как эти прелестные штучки выглядят.

– Ну, так я тебе напомним, – небрежно произнес Глеб и подбросил монеты на ладони. – Видишь, как ярко они сияют, Бельмец? Свой блеск они переняли у солнца! И, Сварог свидетель, эти монеты могут стать твоими. Конечно, если ты этого пожелаешь.

Несколько секунд Бельмец сидел молча, неотрывно глядя на монеты и о чем-то усиленно размышляя, затем поднялся с лавки и сказал:

– Подожди меня здесь, Первоход. Я схожу за товаром и мигом вернусь.

– Сходишь за товаром? – Зрачки Глеба сузились. – Если мне не изменяет память, ты всегда держишь товар при себе – в сумке, в кармане или за пазухой.

Бельмец тонко улыбнулся.

– Силки Зигвуда – вещь особая, – объяснил он. – Если хочешь купить их, Первоход, тебе придется меня подождать.

Похоже было на то, что Бельмец говорит искренне, однако что-то в его голосе Глебу не понравилось. Глеб кивнул подбородком в сторону изрытого кротовыми норами пригорка и сказал:

– Видишь вон те норы?

– Вижу, – даже не посмотрев на пригорок, ответил Бельмец.

– Я заткну одну из них твоей башкой, если вздумаешь со мной шутить.

Барыга усмехнулся.

– Что ты, ходок, какие могут быть шутки? Я еще не свихнулся, чтобы шутить с великим Первоходом.

С этими словами Бельмец отвернулся и заковылял к небольшой рощице деревьев, видневшейся неподалеку. Глеб проводил его недобрым взглядом, потом сел на лавку и достал из кармана берестяную коробку с бутовыми сигаретами.

Прошло около минуты после ухода барыги, и вдруг прямо перед Глебом выросли четыре долгоязыких, широкоплечих молодца в дорогих кафтанах и в собольих шапках набекрень. На перевязи у каждого висел длинный кинжал. И это было странно. Почему кинжалы, а не мечи? Да и рукояти кинжалов выглядели как новенькие. Будто их никогда не брали в руки.

Окинув молодцев спокойным взглядом, Глеб стряхнул с сигареты пепел, улыбнулся и вдруг одним махом вскочил на ноги, выхватил из ножен меч и, сделав молниеносный выпад, вонзил клинок ближайшему парню в горло.

Трое других отшатнулись от неожиданности, а раненый парень упал на колени, схватился руками за окровавленное горло и прохрипел:

– Заговоренный... меч.

Затем рухнул на землю, дернулся и замер. Глеб, крепко стиснув в пальцах рукоять меча, оглядел лица оставшихся трех. Маскироваться далее не имело смысла, и они приняли свой истинный облик. Кожа на сухих, костлявых лицах натянулась, верхние губы приподнялись, и в оскаленных ртах блеснули клыки.

– Мы не налетчики, – проговорил один и облизнул тонкие губы черным языком. – Мы охоронцы Бельмеца.

От взгляда Первохода не укрылось, что стригои незаметно рассредоточились, а клыки их еще больше удлинились.

– Вот как? – Глеб внимательно следил за каждым их движением. – Кажется, до вас тоже дошел отблеск золотых монет, которые я показывал Бельмecu. Вашему хозяину это может не понравиться.

Еще один стригой сделал попытку прыгнуть, но Глеб легко увернулся от его когтей, рассек ему мечом живот, а когда тот рухнул на землю – отрубил ему одним ударом голову.

Двое оставшихся стригоев по-прежнему стояли на своих местах, пристально глядя на Первохода и стараясь найти в его обороне слабое место.

Ходок оглядел лица налетчиков медленным, спокойным взглядом и сказал:

– Я буду считать до пяти. Если на счет «пять» вы все еще будете здесь, я вас убью. Один... Два...

Один из стригоев шевельнул плечами и выдохнул:

– Кажись, этот парень – сумасшедший. Свяжешься с ним – себе же будет дороже.

– Точно, – кивнул второй. – Он сумасшедший. А сумасшедших охраняет бог Сурган.

– Три...

Стригои втянули когти и сомкнули губы, и в этот миг Глеб бросился в атаку. Самоуверенные стригои не ожидали от потенциальной жертвы (пусть даже жертвы сильной и умеющей за себя постоять) такой дерзости, и Глебу удалось застать их врасплох.

Первому стригою он разрубил голову пополам вместе с дорогой, украшенной яхонтами шапкой, а второму с разворота вспорол кончиком клинка шею. Затем опустил меч и отступил назад.

Еще несколько секунд оба стригоя стояли неподвижно, затем рухнули в траву и оцепенели. Глеб сорвал пучок травы и тщательно вытер заговоренный клинок, после чего вложил его в ножны и процедил сквозь зубы:

– Ненавижу нечисть. – Затем поднял голову и хмуро проговорил: – Однако куда подевался Бельмец? Где носит этого прохвоста?

– Я здесь, Первоход.

Барыга вышел из сумрака и боязливо подошел к лавке. Посмотрел на трупы четырех стригоев, сглотнул слюну и сказал:

– Обычно они ведут себя смирно. Видимо, почуяли в тебе ходока.

Глеб прищурил недобрые глаза и холодно произнес:

– Значит, так ты теперь ведешь свои дела, Бельмец?

Бельмец сделал постное лицо и пробормотал:

– Виноват.

– Виноватых быют. И плакать не дают. Какого лешего ты связался с темными тварями?

Бельмец некоторое время молчал, затем проговорил, не глядя ходоку в глаза:

– В тяжелое время живем, Первоход. Людям нынче доверия нет.

– А стригоям есть?

– Я знаю, чего от них ждать. Им, окромя кровушки, ничего не надобно. А с людьми – страшно. Улыбнется тебе в лицо, а как повернешься – ножик под лопатку воткнет. Другие барыги тоже начали себе нечисть в подручные брать. С темными тварями спокойнее.

– Правильным путем идете, товарищи, – с холодной иронией процитировал знакомый слоган Глеб. – Но мне с вами не по пути. Я уж лучше по старинке, с людьми. Где товар, за которым ты бегал? – холодно осведомился он.

– Силки Зигвуда? – поднял голову барыга. – Изволь!

Он сунул руку в карман дорогого кафтана и осторожно, словно вещь, сделанную из тончайшего стекла, извлек из него мерцающий, полупрозрачный клубок ниток.

– Вот твои Силки, друг. – Он так же осторожно протянул клубок Глебу.

Тот, однако, не спешил брать вещь в руки.

– Эти Силки и вправду так опасны, как о них говорят?

– Да, Первоход. Никогда не знаешь, как эта штука поведет себя в сражении и кого она выберет в качестве жертвы. Ходок, который продал мне ее, сказал, что тут все дело в душе. Но я так и не понял, что он имел в виду.

Глеб осмотрел клубок, потом сунул его в карман охотничьей куртки и поднялся с лавки. Бельмец подобострастно улыбнулся.

– Первоход, кажется, ты кое-что забыл.

– О чем ты?

Барыга вытянул вперед правую руку и легонько потер большим пальцем об указательный.

– Деньги, Первоход. Ты должен мне три золотых.

– Ах да.

Глеб вложил в протянутую ладонь Бельмеца три золотые монеты.

– Бывай здоров, барыга! Желаю, чтобы твои темные охоронцы не срезали тебе голову с плеч!

Он повернулся, прошел несколько шагов и растворился в сумерках.

6

День выдался теплый и почти по-летнему солнечный. Гулять в такой день по лесу – одно удовольствие. Впрочем, Первоход не гулял, он сидел в засаде. Час, другой, третий... На исходе третьего часа сквозь ветки бузины он увидел то, что ожидал увидеть. На обочине большака появилась черноволосая девушка с чуть раскосыми глазами. Одета она была как дочь зажиточного купца.

Некоторое время девушка стояла, напряженно к чему-то прислушиваясь, затем неторопливо пошла по большаку в направлении чащи.

Глеб быстро поднялся на ноги, раздвинул кусты и вышел на большак.

– Эй, колдунья! – окликнул он.

Девушка остановилась и резко оглянулась. При виде Глеба на лице ее отобразилась тревога. Впрочем, длилось это всего секунду, а уже через мгновение лицо ее вновь приобрело дерзкий и спокойный вид.

– А, это ты, ходок! – насмешливо проговорила она.

И вдруг – исчезла. Глеб с растерянным видом завертел головой. Откуда-то со стороны послышался звенящий, словно колокольчик, девичий смех. Ближайший вересковый куст слегка шевельнул зелеными веточками, хотя никакого ветра не было. Глеб мгновенно сорвал с себя плащ, прыгнул на куст и накрыл его плащом.

И, о боги, что тут началось! Куст начал биться, кричать и рваться под плащом, но Глеб держал крепко и лишь ухмылялся в ответ на отчаянные вопли.

– Бейся, бейся, милая, – проговорил он, еще сильнее наваливаясь на оживший куст. – От меня не убежишь. И не вздумай снова превращаться в воду – накину тряпку, а потом выжму в пустой бурдюк и заткну пробкой!

Наконец, биения и содрогания под плащом прекратились.

– Отпусти меня, ходок, – взмолилась из-под плаща юная колдунья. – Я сделаю все, что ты захочешь.

– А не врешь?

– Не вру.

Глеб ослабил нажим и сунул руку под плащ, но вскрикнул и снова выдернул ее наружу.

– Ах ты, ведьма! – разозлился он. – Ты еще и кусаться! Ну, я тебя...

– Я не ведьма, – тоненько проговорила девушка из-под плаща. А укусила я тебя с перепугу. Отпусти меня, дяденька. Отпустишь – стану тебе верной служанкой. Клянусь Макошью!

Глеб улыбнулся, схватил плащ за край и сдернул его с девушки. Она быстро выпрямилась и отпрыгнула в сторону. Затем запрокинула голову и засмеялась. Смех у нее был громкий, переливчатый и очень заводной.

– Ты чего? – нахмурился Глеб.

– Глупый, самонадеянный ходок! – со смехом проговорила девка. – Нешто ты думаешь, что во всем Хлынском княжестве нет человека умнее и хитрее тебя?

Ответить Глеб не успел. За спиной у него послышался легкий шорох. Он оглянулся, но недостаточно быстро – тяжелая дубовая булава ударила его по темени.

И настал бы Первоходу конец, кабы за малую долю мгновения до этого не успел он чуть отвести голову. Удар пришелся по касательной, однако силы его хватило для того, чтобы в голове у Глеба все зазвенело, а перед глазами запрыгали искры.

Глеб рухнул на землю и откатился в сторону. Что-то ударило в то место, где он только что лежал. Еще не совсем придя в себя, Первоход снова откатился, потом вскочил на ноги.

Разбойников было пятеро. Все рослые, вооруженные до зубов и со свирепыми рожами. Они снова ринулись в бой, но Глеб увернулся, быстро выхватил из кармана полупрозрачный

клубок и швырнул его в юную колдунью. Затем вырвал из кобуры ольстру и положил ее цевьем на ладонь.

Брошенный им клубок раскрылся в воздухе, как сплетенный из тончайших нитей зонт, и накрыл девушку с головой.

Рухнув на землю, колдунья забилась в прозрачном шаре, ткань которого казалась похожей на ту легчайшую и тончайшую материю, из которой сделаны крылья стрекоз, пчел и мух.

– Что ты со мной сотворил, ходок?! – отчаянно кричала она. – Что ты со мной сотворил?!

– Поймал в Силки Зигвуда! – ответил Глеб, держа разбойников на прицеле. – Это самые прочные силки на свете, и разорвать их не под силу даже медведю-кодыаку!

Лица разбойников посуровели еще больше, а их пальцы, сжимающие рукояти мечей и боевых топоров, побелели от напряжения.

– Отпусти ее, ходок! – рявкнул один из разбойников.

Глеб покачал головой:

– Нет. У меня в руках – посох Перуна, который мечет молнии и грохочет громами. При желании я могу убить вас всех. Но не стану. Я разрешу вам уйти.

Разбойники продолжали стоять, молча и хмуро глядя на Первохода. Тот приподнял бровь и с легким раздражением проговорил:

– Вы не слышали, что я сказал? Проваливайте отсюда!

Самый широкоплечий и жуткий из разбойников прорычал:

– Ты можешь убить нас, ходок, но мы не уйдем без Зоряны.

На лице Глеба отобразилось удивление.

– Вы готовы умереть за эту девчонку? – не поверил он своим ушам.

– Да, ходок! – прорычал тот разбойник, что стоял к Глебу ближе всех. – Если придется, мы за нее умрем!

– Верные псы, – уважительно проговорил Глеб. – Интересно, чем это она вас так прикормила?

Разбойники молчали.

Глеб вздохнул.

– Ладно, попробую по-другому. – Он опустил ольстру и примирительным голосом произнес: – Я не причиню вашей подружке вреда. Я просто хочу поговорить с ней.

Разбойники продолжали молчать, хмуро, недоверчиво и свирепо глядя на Первохода. Глеб скосил глаза на прозрачный шар, постучал по нему костяшками пальцев и окликнул:

– Эй, милая, ты не молчи. Или заставь своих песиков поверить в мои добрые намерения, или я отправлю их всех в собачий рай. А тебя – вслед за ними.

– Хорошо, – глухо отозвалась Зоряна из удушающих ее Силков. – Твоя взяла, ходок.

Глеб кивнул и одобрительно проговорил:

– Умная девочка. Когда все кончится, получишь от меня конфе...

И вдруг разбойники исчезли. Только что стояли и смотрели на Глеба яростными глазами, и вот их уже нет.

– Э-то еще что за новости? – нахмурился Глеб. – Где они?

Там, где только что были разбойники, сгрудились несколько лохматых вересовых кустов. Внезапно Первоход все понял.

– Дьявол! – выругался он. – Так разбойники были ненастоящими!

– Это всего лишь кусты вереса, ходок, – сдавленно вымолвила Зоряна.

– Вот оно что. Значит, все это время я говорил с вересовыми кустиками. – Глеб нахмурился. – Отлично ты меня развела. Ты не только умеешь менять свою внешность, превращаясь во все, что видишь, но и меняешь окружающие предметы.

– Я не меняла их. Я просто заставила тебя увидеть в них то, что хотела.

– Но в прошлый раз с тобой были настоящие разбойники, – возразил Глеб. – Когда я стрелял в них – они падали и умирали.

Зоряна усмехнулась и с горечью проговорила:

– Разбойники были. Да все сплыли. У душегубов не принято приходить друг другу на помощь.

– Да уж, – хмыкнул Глеб. – Верными друзьями их не назовешь.

Он опустил, наконец, ольстру, посмотрел на притихшую в Силках девушку и сказал:

– Вот что мы сделаем, милая. Сейчас я выпущу тебя из Силков Зигвуда. Но даже не думай убежать. Как только ты попытаешься сделать это, Силки снова набросятся на тебя, и во второй раз они будут вести себя не так деликатно, как в первый. Они могут сжать тебя так сильно, что у тебя полопаются кости. А могут оторвать тебе руку, ногу или голову. Это уже как повезет.

Зоряна испуганно отдернула ладони от тонкой, прозрачной ткани Силков, чуть подалась назад и хмуро спросила:

– Что ж это за силки такие? Не силки, а лютая тварь.

– Насчет твари – это ты верно подметила. Первым их нашел ходок по имени Зигвуд. Он был сыном гофского купца и не боялся ни Перуна, ни Велеса. До сих пор никто не знает, что такое эти Силки – то ли растение, то ли зверь. Но время от времени их нужно кормить свежим мясом, чтобы они были послушными и делали то, что им велят.

Зоряна боязливо посмотрела на трепещущие серебристые нити Силков и глухо уточнила:

– Надеюсь, ты не забыл их сегодня покормить?

Глеб качнул головой:

– Не забыл. Но они могут потребовать десерт. Уж больно аппетитно ты выглядишь, ведьма. Ну, а теперь, когда светская часть беседы позади, перейдем к главному. Расскажи мне о своем Даре, Зоряна. А начни с того, как и когда все началось?

Некоторое время девушка молчала, хмуро и недоверчиво глядя на Первохода, а потом медленно и неуверенно заговорила:

– Это началось два года назад, после того, как в небе над моим селом пролетела хвостатая звезда. Как-то утром я задумалась о соседском парне Малютке, в которого была влюблена. Мимо проходил отец с колуном в руке. Он взглянул в мою сторону и вдруг с бранью набросился на меня, размахивая своим колуном. Оказывается, пока я думала про Малютку, мое лицо стало лицом Малютки, хотя сарафан и платок остались прежними. Отец подумал, что соседский парень переоделся в женское платье, чтобы пробраться в наш дом и совратить меня. Слава богам, я сумела вернуть себе прежнее лицо и убедить отца в том, что все это ему померещилось.

– Что было потом?

– Потом?... – Девушка вздохнула. – Я была так напугана, что едва не наложила на себя руки. Я уж и веревку на крюк накинула, чтобы удавиться, но тут к нам во двор пришел странник в темном плаще. Он попросил воды, а когда я подала ему ковш, ухватил мою руку, заглянул мне в глаза и сказал: «Ты не одна такая, Зоряна. И то, что ты умеешь делать, – никакое не проклятие, а Дар. Используй его во благо, и все будет хорошо».

Зоряна замолчала, чтобы перевести дух.

– Я вижу, ты прислушалась к его совету, – неприязненно заметил Глеб. – Грабить купцов на большой дороге – это, конечно, величайшее из благ.

Зоряна хищно прищурилась.

– А кто знает, что такое благо, а что – нет?

– По-моему, это очевидно, – сказал Первоход. – То, от чего людям хорошо, то и благо.

– Ты так думаешь? Ну, тогда послушай. Жил у нас в селе богатей Бортень Колыван. А по соседству от него – бедняк Лысушка. У Лысушки была хвора на голову жена Милушка. Всему селу его жена была посмешищем, но Лысушка ее очень любил. Однажды, во время покоса,

Лысушка недоглядел за своей женой. Милушка забралась в погреб к Бортеню Колывану и съела у него половину варенья. А из того, что не сумела съесть, много разлила на землю.

Бортень пришел в ярость. Он приказал своим слугам схватить Милушку, положить ее спиной на лавку и вставить ей в рот деревянную воронку. А потом – лить в эту воронку оставшееся варенье. И слуги вливали варенье, пока Милушка не окочурилась. Вот и скажи мне, ходок, благое ли дело сделал Бортень?

– Бортень – сволочь и негодяй, – отчеканил Глеб. – И сотворил он настоящее зверство.

– Но ты сам сказал, что благо – это то, от чего людям хорошо. А Бортеню от смерти Милушки было хорошо. Да и прочим сельчанам тоже. Милушка ведь лазила и по другим погребам, и многие в селе держали на нее зуб.

– За то, что сделал твой Бортень, он заслуживал смерти, – отчеканил Глеб.

Зоряна хмыкнула.

– Вот и бедняк Лысушка так подумал. А потому прокрался ночью к Бортеню, отравил ядом его собак, обложил его избу сухой травой и хворостом, облил все это огненным зельем да и запалил. А в доме, кроме Бортеня, спали его малые детки – пять ртов, мал мала меньше. А теперь скажи мне, ходок, благое ли дело он сделал?

Глеб молчал. Зоряна вздохнула и пояснила:

– Бортень Колыван был моим отцом. А сгоревшие домочадцы – моими родичами.

– С тех пор ты и подалась в разбойники? – спросил Глеб после паузы.

– А что мне оставалось? Хозяйство моего отца выгорело дотла, а с ним – еще полсела. Ночь-то была ветреная. Но самое смешное случилось после. Поджигателя Лысушку никто и пальцем не тронул, хотя все знали, что это его рук дело. Люди его жалели. А в случившихся ужасах обвинили меня, потому что я – колдунья. Пока был жив отец, меня никто и пальцем не трогал, но после его гибели...

Она снова вздохнула, еще тяжелее, чем прежде, и уныло добавила:

– Никогда не знаешь, какие последствия будут у того, что ты сделал. А значит, никогда не знаешь наверняка, благо или зло ты совершаешь.

– Ты не по годам умна, Зоряна, – сухо произнес Глеб.

– Не по годам? – Девушка усмехнулась. – А откуда ты знаешь, юна я или стара? Быть может, то, о чем я тебе рассказала, случилось тридцать лет назад?

На лице Глеба отразилось секундное замешательство. Зоряна, глядя на него, тихо засмеялась.

– Я умею менять свою внешность, ходок! Хочу – стану молодой, хочу – обращусь древней старухой! А хочу – и вовсе превращусь в трехсотлетнее дерево. – Заметив растерянность на лице Первохода, Зоряна смилостивилась. – Ладно, ходок, не пужайся. Я всего лишь молодая девка.

– Благодарю, успокоила. – Глеб сунул ольстру в кобуру. – Ну, а теперь, когда мы все выяснили, нам пора отправляться в город и готовиться к дальнему путешествию.

Глеб поднял левую руку – Силки Зигвуда, мигом слетев с Зоряны, снова превратились в мячик, и мячик этот сам собой прыгнул ходоку в ладонь.

Зоряна выпрямилась, потеряла расцарапанные Силками руки и угрюмо произнесла:

– Неужели ты и впрямь думаешь, что я пойду с тобой?

– Конечно, – ответил Глеб не терпящим возражений голосом. – С сегодняшнего дня ты будешь делать все, что я тебе скажу. Велю раздеться догола и прыгнуть в куст крапивы – разденешься и прыгнешь.

– А если я не послушаюсь?

Глеб хлопнул себя по карману, в который только что положил Силки Зигвуда, и небрежно произнес:

– Тогда я достану это. Они поймут тебя, даже если ты превратишься в облако ядовитых испарений или кучку оленьего помета.

Зоряна вновь потерла поцарапанные запястья и поморщилась от боли.

– Ну? Чего стоишь? – грубо окликнул ее Первоход, уже повернувшись к большаку. – Шагай за мной, атаманша!

Зоряна вздохнула и, понурив голову, зашагала за своим хозяином. Ни она, ни Глеб не заметили, что из кустов можжевельника за ними наблюдают два голодных, пылающих лютым огнем глаза.

7

Голод. Страшный, всепоглощающий голод. Голод, который ничем нельзя утолить...

Человек, сидящий на корточках за кустом можжевельника, судорожно облизнулся. Вид его был страшен и скорее годился для упыря, чем для живого человека. Ростом он был с рослого мужика, но сутулый и какой-то скрюченный, словно вынужден был ходить под вечным гнетом тяжелого груза. Темное лицо составлено из кусков кожи, скверно подогнанных друг к другу. Волосы, бесцветные, похожие на паклю, торчали клочками.

Глаза его, глубоко упрятанные под выпуклыми надбровными дугами, мерцали злым, холодным светом. А толстые пальцы рук завершались крепкими и острыми когтями, похожими на когти совы или рыси.

Запах, доносившийся от девки, был странным и не мог принадлежать человеку. В нем объединились запахи листвы, воды, росы и еще чего-то, едва уловимого и неопределенного.

Запах девки пугал князя Добровола, как пугает дикого зверя все непонятное и незнакомое.

Но самым страшным был запах, исходивший от чудно-Ей вещи, лежащей у Первохода в кармане. Это был запах расчетливого зла и спокойной ярости, присущей прирожденному убийце. Но страшнее всего было то, что этот предмет, будучи неживым, знал, что за кустами притаился наблюдатель. Не будучи живым, он был способен чувствовать опасность и чують жертву.

Девка тоже боялась этого предмета. Страшно боялась, хотя и хотела казаться храброй.

Князь Добровол беззвучно зарычал. Как бы он хотел вонзить зубы ходуку в горло и напиться его темной, густой крови. Но это было опасно. Предмет, прячущийся у Первохода в кармане, только этого и ждал. Похоже, он мог действовать жестоко в ответ на жестокость. Не стоило его дразнить.

Князь Добровол отпрянул от куста и повернулся к недоеденному оленю. Через несколько минут он дочиста обглодал последнюю кость и швырнул ее в кусты. Все. Мяса больше нет. Но голод не прошел.

Некоторое время Добровол сидел молча, затем с размаху вогнал пятерню себе в грудь и вырвал черное, обугленное сердце.

Долго, очень долго Добровол сидел молча, с хмурым интересом глядя на собственное сердце, куском протухшей говядины лежавшее у него на ладони. Потом разлепил губы и прошептал:

– Мамелфа... тварь. Говорили мне в детстве: никогда не связывайся с ведьмами... Обещала бессмертие, а что я получил взамен?

– Ты получил то, что просил, князь, – раздался негромкий старушечий голос.

Добровол быстро обернулся. Ведьма сидела на гнилом пне. Сама она была такая черная да корявая, что мало чем отличалась от этого пня.

– Дурак ты, князь, – прокаркала лесная ведьма. – Я забрала твое живое сердце и дала тебе взамен мертвое. И я обещала, что ни стрела, ни меч не смогут тебя убить. Но не моя вина, что Первоход разорвал тебя на куски огненной бомбой.

Добровол дрогнул и сжался, словно Мамелфа прикоснулась к открытой ране. Ведьма усмехнулась и пожала тощими плечами.

– Не понимаю, чего ты ворчишь? Ведь ты жив. Ты собрал себя по кускам и снова стал самим собой. Ты разговариваешь, гадишь, жрешь. Ты делаешь все то, что делают другие люди.

– Другие люди? – Добровол яростно прищурился. – Ты издеваешься, ведьма? Если я в таком виде покажусь в городе, меня примут за упыря и вобьют мне в грудь осиновый кол!

– И что с того? Тебя нельзя убить никакими кольями.

– Но они изрубят меня топорами на куски!

– И что? – снова спросила ведьма, противно усмехнувшись. – Первоход тоже разорвал тебя на куски, но ты жив. И пускай у тебя жуткая рожа. Зато ты по-прежнему князь Добровол, и люди будут почитать тебя даже в таком обличье. Так даже лучше. Раньше ты внушал людям страх своими делами, а теперь они будут трепетать при одном твоём виде.

Добровол пригнул голову и яростно сверкнул на ведьму глубоко посаженными глазами.

– Меня мучает голод, ведьма, – прорычал он. – И я не могу насытиться. Никак... Никогда...

– Но в этом тоже виноват Первоход! – рявкнула Мамелфа. – Не забывай – ты собрал себя из кусков обгоревшей плоти! Чтобы плоть не развалилась и не сгнила, тебе приходится постоянно жрать. Но не тревожься, князь. Вернув себе княжеский трон, ты сможешь жрать столько, сколько захочешь. Свиная, говядина, птица... И тебе больше не придется рыскать по лесу и ловить оленей, крыс и кроликов.

Добровол слушал ее молча, и глаза его пылали злобным голодным огнем.

– И не забывай, что ты бессмертен, – продолжила старуха. – Никто и ничего не сможет тебе сделать. А сила твоя такова, что ты одним ударом лапы сможешь снести голову любому богатырю!

Добровол отвел от ведьмы взгляд и посмотрел на свою руку. Куски склеенной плоти слегка отстали друг от друга. Живот свело судорогой. Проклятая ведьма сладкими речами вновь распалила его голод.

Князь Добровол провел страшной рукой по безобразному, слепому из лоснящихся заплат лицу.

– Я могу рассыпаться в любой момент, – прохрипел он. – Посмотри на меня, ведьма! Разве меня можно назвать живым?

– Ты гораздо живее любого кишеневского упыря.

– Но не живее самого поганенького из людей! Верни мне мою жизнь, ведьма! Сделай меня прежним! Отдай мне мое живое сердце!

Мамелфа посмотрела на склеенного из кусков мяса и кожи урода мрачным, насмешливым взглядом.

– Сдохнул! – презрительно выговорила она. – Твоего живого сердца давно нет. Или ты не слышал, что лесная ведьма Мамелфа питается человеческими сердцами?

Добровол изумленно выкатил на старуху глаза.

– Ты что, сожрала его?

– А ты как думал! – Старуха мерзко захихикала.

– Убью! – прорычал Добровол и бросился на ведьму, однако споткнулся об камень и растянулся на траве.

Немного полежав неподвижно, Добровол снова зашевелился, нашарил в траве отвалившуюся челюсть, кое-как приладил ее на место и сел на траве.

– Что ж мне теперь делать? – горестно проговорил он. – Как справиться с сей бедой?

– Разожги большой костер и прыгни в него, – посоветовала Мамелфа. Это будет красивая смерть. Но гляди, ты должен сгореть целиком, до самого последнего кусочка. Если останется рука – она продолжит жить, даже если остальное тело превратится в пепел.

– Не того я хотел, когда спрашивал для себя вечную жизнь, ведьма, – со вздохом проговорил князь. – Значит, мне никогда уже не стать прежним?

– Никогда, – отрезала старуха. – Если только...

Лесная ведьма интригующе замолчала, и князь резко и нетерпеливо подался вперед.

– Если только – что?

Мамелфа прищурила слезящиеся старушечьи глазки и сказала:

– Есть один способ. Но труден тот способ чрезмерно.

– Говори! – потребовал князь.

– Ты должен найти того, кто сотворил с тобой такое, и съесть его сердце.

– Съесть?

Ведьма кивнула.

– Да, съесть! Сожрать! Слопать!.. Но главное – сердце это должно быть еще живым!

– И тогда я стану прежним? И перестану рассыпаться на куски?

Ведьма мерзко улыбнулась своими запавшими, тонкими губами.

– Да, князь, ты станешь прежним. В твоей груди снова забьется живое сердце. Но бессмертие ты потеряешь. Нелегкий выбор, верно?

Князь сжал кулаки и произнес плаксивым голосом:

– Я не справлюсь с Первоходом. Один выстрел из громового посоха – и я рассыплюсь в пыль. Помоги мне, ведьма! Ты ведь можешь, я знаю!

– Могу, – кивнула Мамелфа. – Но это тебе не понравится. Я могу сделать тебя сильным и ловким, как лесная рысь. Но ты потеряешь себя и не найдешь до тех пор, пока не съешь сердце Первохода.

На уродливом, склеенном из неровно подогнанных кусков плоти лице Добровола появилось недоумение.

– Я тебя не понимаю, ведьма, – прохрипел он. И тут же поправился, испугавшись, что Мамелфа откажет в помощи: – Но я готов сделать все, что ты скажешь! Все, слышишь! Только сделай меня таким же сильным, как Первоход.

Некоторое время ведьма молчала, потом заговорила негромким, таинственным голосом:

– Ты слышал про чудныѐе вещи?

– Конечно!

Ведьма выпростала из-под складок своего ветхого балахона руку и протянула Доброволу гриб, похожий на бледную поганку, только такой пузатый, будто его надули.

– Это чудноѐй гриб, – сказала она. – Называется молокун. Съешь его – и начнешь жизнь с чистой берестинки.

– Как это? – не понял Добровол.

– А так. Не будешь помнить ничего, кроме одного – найти и убить Первохода и съесть его сердце.

– Это что же... я стану беспмятным, как младенец?

Мамелфа кивнула.

– Да. Но сила у тебя будет не младенческая.

Добровол подозрительно прищурился.

– Сгубить меня вздумала, старая?

– Не хочешь – не бери, – обиженно шмыгнув носом, сказала ведьма и убрала было гриб, но Добровол быстро схватил ее пальцами за тощее, морщинистое запястье.

– Мне уже все равно, ведьма, – с горечью выговорил он. – Сгубишь, туда и дорога. Давай своего «молокуна».

Мамелфа разжала пальцы, и белый гриб выкатился прямо князю в ладонь. Несколько мгновений Добровол разглядывал его, а затем сунул в рот и стал жевать.

Еще с полминуты князь сидел на траве, усиленно работая челюстями, а потом глаза его закатились под веки, и он тяжело, будто куль с мукой, повалился на землю.

Мамелфа сидела на своем пне и напряженно смотрела куда-то мимо Добровола. И вдруг тень Добровола на траве дрогнула, хотя сам он продолжал лежать. Затем тень вытянула руки, приподняла их над травой, ухватила пальцами за торчащий из земли корешок и крепко его сжала.

Мамелфа стряхнула оцепенение, выпрямилась и облегченно вздохнула.

– Ну, пошло дело! – проговорила она и, довольно захихикав, потерла тощие ладони. – Более я тут не надобна. Прощай, Добровол-князь!

Она широко развела руки в стороны, а потом резко хлопнула в ладоши. От того места, где сидела Мамелфа, взлетело вверх густое, темное облако, а когда облако рассеялось, на пеньке никого уже не было.

8

Деревенская девка Смирена, отправляясь по грибы, никогда не заходила в чащобу. Но на этот раз грибов было так мало, а желание принести домой хоть что-нибудь было так велико, что Смирена, сама того не ведая, прошла через «свой» лесок, миновала две версты по глушняку и сама не заметила, как вышла к большой дороге, ведущей к Хлынь-граду. В корзинке ее было не более десятка молоденьких опят.

Поняв, что зашла слишком далеко, Смирена не стала тревожиться и мысленно поблагодарила лешего за то, что не завел ее в те места, откуда нет выхода. Перед тем как повернуть назад, она решила немного передохнуть. Опустила корзинку с грибами, а сама села на пенек и вытянула гудящие от усталости ноги, одетые в новые лапоточки.

Сперва она думала о грибах, о том, как их нынче мало, и как стыдно возвращаться с полупустой корзинкой домой. С грибов мысли Смирены сами собой перескочили на молодого парня Деженя, который вот уже две недели повсюду преследовал ее, не давал ей проходу и даже норовил увязаться за нею в лес. Некрасивый был парень, но настойчивый. Смирена вдруг подумала, что ежели он и дальше будет таким настойчивым, то рано или поздно добьется своего. Устыдившись подобных мыслей, Смирена покраснела.

«Он ведь и сейчас может за мной следить, – подумала она. – С этакого станется».

Смирена оглянулась по сторонам, но, ясное дело, никакого Деженя поблизости не увидела.

Отдохнув, Смирена поднялась, чтобы идти домой, да вдруг замерла. Ей показалось, что где-то поблизости шелохнулась ветка. Смирена была не робкого десятка, а потому крепче сжала в руке корзинку и окликнула:

– Эй! Кто там? Эй, кто там ходит? Покажись!

Несколько мгновений ничего не происходило, а потом из-за дерева вышагнула светлая фигура. Смирена прищурила близорукие глаза, надеясь разглядеть фигуру получше, но ступившиеся сумерки не позволили ей этого сделать.

– Дежень, это ты?

– Да... – донесся тихий ответ.

Смирена облегченно вздохнула.

– Ну, слава Белобогу. А я уж подумала – не душегуб ли какой. Зачем ты за мной увязался, Дежень?

Ответа не последовало. Смирена нахмурилась (ох и настойчивый же парень этот Дежень, ну как на такого не гневаться?).

– Чего увязался? – строго повторила Смирена. – В провожатые набиваешься? А ну – отвечай!

– Да...

Смирена усмехнулась.

– А с чего ты решил, что я возьму тебя в провожатые? Нешто не знаешь, что за мной ухаживает Братша Кривов сын?

Дежень молчал, переминаясь с ноги на ногу. «Надо бы с ним помягше, – подумала Смирена. – А то еще убежит. С него станется».

– Ладно, не бойся, – смилостивилась она. – Хошь провожать, провожай. Но только чтобы не лапал! А то Братше пожалуюсь!

Дежень и на этот раз не шелохнулся.

«Да что же это за мужик такой! – возмутилась Смирена. – Не мужик, а снежный молчун!»

– Ну! – подбодрила нерешительного парня Смирена. – Чего стоишь? Подойди сюды!

Парень еще немного постоял, явно собираясь с духом, а потом тронулся к Смирене.

Чем ближе он подходил, тем тревожнее делалось лицо Смирены. Проклятая близорукость! На какой-то миг ей показалось, что парень голый, однако она тут же прогнала от себя эту мысль как вздорную.

Сердце ее, однако, забилося чаще. Смирена подняла правую руку к лицу, прижала палец к кончику верхнего века и слегка натянула кожу. Этот прием, известный всем близоруким людям, всегда срабатывал. Сработал он и сейчас. Расплывчатая фигура обрела четкость, а Смирена схватилась свободной рукой за сердце и попятилась.

Она хотела побежать, закричать, завопить, но ледяной страх сковал ее тело, а в горле от накатившего ужаса сперло дыхание. Белая фигура все приближалась, и теперь уже Смирена отчетливо видела, что у фигуры той, белой, безволосой, нет ничего, что могло бы отнести ее к мужскому или женскому роду, только гладкая и словно бы влажноватая кожа. А лицо... лица у него будто и не было. Лишь две темные впадины вместо глаз и такая же темная впадина на том месте, где полагалось быть рту.

Рот стал расширяться, растягиваться, и вот он уже достиг размеров большого дупла, а потом это черное дупло стало надвигаться на Смирину. И все, что она смогла, это закрыть глаза и прошептать:

– Ой, Ладо, матушка, избавь от злого чудища!

А в следующий миг что-то холодное обволокло ее голову, и Смирена, не успев даже крикнуть, потеряла сознание от дикой боли.

...Прошло не меньше десяти минут, прежде чем глаза девушки снова открылись. Она рывком села на траве и оглядела свое тело. Тело было абсолютно голое и безволосое. Чуть обвисшие бугорки груди, слегка выпирающий живот, полоска между пухлыми бедрами, длинные голени. Все в точности словно у настоящей женщины. Не хватало только крошечной впадинки пупка.

Несколько секунд Смирена размышляла, не следует ли исправить ситуацию с помощью острой ветки? Потом решила, что не следует. Живот ее никто не увидит, главное – не забыть одеться. Но где же одежда?

Смирена вновь огляделась. Рядом с собой она увидела ворох одежды, но ворох этот был испачкан кровью, и из него торчало что-то страшное. Что-то такое, что прежде было руками, ногами и головой, а теперь больше напоминало обгорелые головешки.

Смирена вздохнула и, брезгливо поморщившись, протянула руку за платьем.

Одевшись, она прочистила горло кашлем, выплюнув комок липкой слизи, и опробовала голос:

Я не папина,
Я не мамина,
Я на улице росла,
Меня курица снесла...

Голос у нее был певучий и красивый, совсем как прежде:

Красная девица
По бору ходила,
Болезнь говорила,
Травы собирала.
Корни вырывала,
Месяц скрала,
Солнце съела.
Чур ее, колдунью,

Чур ее, ведунью!

Оборвав песню, Смирена запрокинула голову и рассмеялась. На душе у нее было светло и радостно, ведь она опять была *живой*, и впереди у нее так много дел.

Радостно вдыхая запах леса, Смирена не заметила, что из-за кустов за ней наблюдает и скалит в усмешке зубы отвратительная тощая старуха.

Глава вторая

ДЕТИ ПАДШИХ БОГОВ

1

Село Крутоярово, Радимичское княжество.

Двумя месяцами раньше

Все село сбегалось посмотреть на богатыря, который спешил со своего огромного, толстоногого коня и встал перед кружалом. А посмотреть было на что.

Богатырь был столь высок ростом, что не вошел бы ни в одну дверь Крутоярова, не пригнув низко свою косматую голову. В плечах он был шире коромысла, а руки у него были такие, что в каждой ладони легко бы уместилось по взрослой курице.

Меч богатыря был раза в полтора больше самого большого меча, который довелось выковать местному кузнецу. Сам он был одет в шерстяной подклад и кольчугу тонкой работы, а на голове богатыря красовалась роскошная шапка, украшенная яхонтами. Сапоги у него были хромовые, а на плечах серебрился красный с искоркой плащ, застегнутый серебряной фибулой.

Богатырю явно нравилось всеобщее внимание, и он не спешил заходить в кружало, а просто стоял посередине двора, подставив солнышку свое широкое, обветренное, бородастое лицо.

А народ только головами покачивал.

– Вот это богатырь! Всем богатырям богатырь!

– Этакий медведь один целой сотни ратников стоит!

– Попадешься этакому на пути – растопчет и не заметит!

Лишь один человек в толпе не восхищался богатырем, а смотрел на него скептически и едва ли не презрительно. Это был тщедушный паренек лет двадцати пяти, с бритой наголо головой и такими же бритыми щеками. Одежда его была пыльной, а за плечом висела тощая котомка.

Паренек был такой же нездешний, как и заезжий богатырь. И, судя по всему, тоже пришел в Крутоярово на осеннюю ярмарку – то ли что-то продать, то ли чем-то разжиться, а может, и просто поглазеть на скоморохов да поесть сладких пирожков.

К богатырю тем временем подбежали два мальчика. Один из них осторожно дернул богатыря за краешек плаща и уважительно поинтересовался:

– Дяденька богатырь, а ты можешь разогнуть пальцами подкову?

– Могу, мальчик, – пробасил богатырь. Затем поискал глазами что-то на земле, поднял твердый камень и сжал его в кулаке. Камень рассыпался в пыль.

Народ восхищенно загалдел, а богатырь повел могучими плечами и самодовольно улыбнулся.

И тут случилось нечто удивительное. Лысый парень с котомкой за плечом выступил из толпы вперед и крикнул, обращаясь к богатырю:

– Эй, кисель, ты так и будешь торчать посреди дороги или посторонишься ипустишь добрых людей в кружало?

Богатырь удивленно приподнял брови.

– Это ты мне?

– Тебе, кисель! Ты будешь стоять и паяться или посторонишься и дашь мне дорогу?

Удивление во взгляде богатыря сменилось гневом. Мало того что места вокруг было предостаточно и ни на какой дороге он не стоял, так еще и в голосе доходяги было столько гонора, словно он готов был походя спихнуть богатыря с пути.

Народ уставился на лысого, как колено, парня так, как смотрят на дурачка, сунувшего голову в горящую печь, – с изумлением, насмешкой и сочувствием.

– Так ты хочешь спихнуть меня с дороги, доходяга? – пробасил богатырь.

– Спихну, коли сам не потеснишься, – небрежно ответил парень с котомкой.

Богатырь усмехнулся.

– И ты правда готов это сделать?

– Сделаю, не сомневайся. Я таких неуклюжих переростков, как ты, уделываю одной левой.

Лицо богатыря медленно побагровело.

– Все, парень, – отчеканил он. – Считаю, что сам нарвался.

И шагнул к лысому парню. Однако тот поднял руку в останавливающем жесте, лукаво прищурил глаза и сказал:

– Побить меня задарма ты всегда успеешь. А хочешь заработать на этом горсть монет?

Богатырь остановился и непонимающе нахмурился. А парень повернулся к толпе и крикнул:

– Эй, честной народ! Кто из вас хочет поставить резанку, а выиграть две? Отзовись!

Народ загалдел:

– Как выиграть?

– Об чем говоришь?

– Отвечай, коли спрашивают!

Лысый усмехнулся.

– Вон там, за поваленным заборчиком, есть заброшенный амбар! – крикнул он. – Мы войдем туда вдвоем с этим киселем! Он – с мечом, а я – с одними голыми руками! А вот того из нас, кто выйдет оттуда через минуту, вы и назовете богатырем! Как вам такое развлечение?

Народ молчал, не в силах поверить, что парень говорит серьезно. Тогда он достал из котомки несколько серебряных монет, показал их людям и громко объявил:

– Ставлю четыре монеты на то, что из амбара первым выйду я, а этот кисель выползет оттуда на карачках!

Толпа замерла в нерешительности. Рты мужиков, баб и детей были раскрыты от удивления, а глаза их пристально, восхищенно, завистливо и недоверчиво смотрели на серебряные монеты.

– Ставлю десять медяков на лысого! – сказал вдруг кузнец, выступив из толпы.

Он достал из кармана кожаного фартука горсть меди и показал ее людям. Несколько секунд все молчали. Судя по лицам, люди решили, что парень каким-то непонятным образом околдовал кузнеца, потому что в здравом уме ни один человек на свете не совершил бы такую отчаянную глупость.

А потом все завопили, перекрикивая друг друга:

– Медяк на богатыря!

– Три медяка на богатыря!

– Резанку на богатыря!

Тут же нашелся верткий мужичок, который принялся принимать ставки. Следует отметить, что не все ставили на богатыря, некоторые, уверенные, что у лысого парня припасен какой-то фокус, поставили деньги на него.

– Ну, гляди, парень, – пригрозил ему один зажиточный мужик. – Коли не выкрутишься – я тебе сам ноги переломаю.

Лысый терпеливо дождался, пока все ставки будут сделаны, потом окинул взглядом кучу серебряных и медных монет, сунул руку в карман, достал тугой кожаный кошель, высыпал его содержимое на кривоногий стол, который кто-то выволок из сеней, вслух пересчитал все монеты и сдвинул их к куче.

– На себя самого! – объявил он.

Верткий мужичок, принимающий ставки, усмехнулся и объявил:

– Тридцать против одного – принято!

Лысый парень повернулся к богатырю, все это время с угрюмым изумлением взирающего на сошедшую с ума толпу.

– Ну так что, богатырь! – жестко прищурившись, сказал парень. – Пойдешь со мной в амбар? Или забоялся?

Богатырь сжал пудовые кулаки и прорычал:

– Я разорву тебя на части, щенок!

– Попробуй. Только смотри сам не разорвись. Разорвешься – склеивать не буду.

Лысый и босолицый наглец окинул богатыря презрительным, дерзким взглядом, потом развернулся и первым зашагал к амбару. Великан-богатырь последовал за ним.

2

– Ну что, пора начи... – оборачиваясь, заговорил парень, но закончить фразу не успел.

Огромный меч обрушился на него, как обрушивается вырванное ураганом дерево. Парень резко отклонился в сторону, но сделал это недостаточно быстро, и клинок меча перерубил ему предплечье. Отрубленная рука, окропив все вокруг фонтаном крови, шлепнулась на земляной пол амбара и тут же почернела и скукожилась, как гнилой листок.

Паренек схватился за культю, побледнел и затрясся от боли. Богатырь опустил меч, посмотрел на окровавленную культю парня и с усмешкой прорычал:

– Сам виноват.

Но вдруг парень перестал трястись, улыбнулся и выставил культю перед собой. Купья задымилась, закоптела и вдруг вспыхнула жарким голубым пламенем. Богатырь отшатнулся и прикрыл лицо рукою. А когда он снова отнял руку от лица, челюсть его отпала от удивления, а глаза выкатились из орбит. Отрубленная рука парня отросла заново.

– Готов продолжить? – с холодной, злой ухмылкой осведомился лысый.

Дважды повторять не пришлось. Как ни велико было изумление богатыря, но воин он был отличный, и никакие чудеса не могли выбить его из колеи. Меч снова обрушился на парня, и снова он не сумел как следует увернуться. Второй удар был настолько сильным, что разбил парню вдребезги ключицу и ребра и разрубил его почти пополам.

Парень распался на две половины, покачнулся, но устоял на ногах. А потом схватил себя руками за бока и свел распавшиеся части тела воедино.

Тело парня вспыхнуло пламенем столь ярким и жарким, что богатырь снова прикрыл лицо рукою и попятился. Огонь успел опалить ему бороду и брови.

Когда он снова взглянул на парня, тот стоял посреди амбара целый и невредимый. Окровавленная одежда висела на нем лохмотьями, но на худой, голощекой физиономии парня застыла насмешливая улыбка.

– Ты... колдун! – хрипло выдохнул богатырь, с ужасом глядя на парня. И обмахнул себя рукою: – Чур меня! Чур!

Лысый негромко рассмеялся, а потом сказал:

– Не угадал, борода! Я Огнерод. Сгорающий и возрождающийся из пепла.

– Огнерод ты или нет – но я все равно увижу, как ты сдохнешь! – прорычал богатырь. Он в третий раз вскинул меч и ринулся на парня.

Клинок меча обрушился на лысого наглеца с такой яростной силой, что мог бы перерубить пополам и бревно, но на этот раз парень не отступил и не увернулся. Он просто поймал клинок ладонями и сжал его.

На землю вновь закапала кровь, ладони парня вспыхнули огнем, огонь этот тут же перекинулся на меч, а с меча – на руки и грудь богатыря. Тот завопил от ужаса, резко отпрянул, не удержал равновесия и рухнул на земляной пол. А потом принялся кататься по полу, крича от боли и стараясь сбить огонь.

Лысый парень посмотрел на него презрительным взглядом, сплюнул сквозь щербинку в передних зубах на пол, развернулся и, насвистывая какую-то песенку, зашагал вон.

3

Завидев парня, люди замолчали и уставились на него во все глаза. А он остановился перед толпой и крикнул со злой, презрительной усмешкой:

– Ну что, честной народ?! Готовы расстаться со своими денежками?!

Толпа обомлела.

– А где ж богатырь? – робко спросил чей-то слабый голос.

– Богатырь-то? – Парень лукаво прищурился и ущипнул себя за голый подбородок. – Да сейчас выползет.

И впрямь – не прошло и трех секунд, как богатырь выполз из абмара на карачках, остановился и несколько раз тряхнул обожженной головой. Борода его сгорела, от бровей не осталось и следа, а кисти рук были покрыты волдырями. По земле за ним тащился запутавшийся в перевязи меч, и клинок меча был оплавлен.

Народ зароптал. Никто никогда не видел подобного чуда – по крайней мере, с тех пор, как два года назад на небе появилась хвостатая звезда.

Паренек же смело прошел к столу (толпа растеклась перед ним, как вода), отсчитал свой выигрыш, ссыпал горсти меди и серебра себе в котомку и потуже затянул узел. Какой-то старичок выдвинулся из толпы, робко подошел к парню и сказал:

– Дозволь спросить тебя, сынок.

– Спрашивай, дедуля, – не оглядываясь, разрешил парень.

– Как же ты сумел одолеть такого огромного воина? Или есть в тебе какие-то тайные силы?

Лысый наглец посмотрел на старика, усмехнулся и проговорил то ли с усмешкой, то ли со злостью в голосе:

– Есть, коли одолел.

– И что же это за силы?

Парень прищурил светлые, злые глаза и кивнул на богатыря:

– А вы спросите у него. Он вам расскажет.

Богатырь сидел на чурбане с ошалелым видом, а какая-то толстая девка пыталась впихнуть ему в губы ковш с колодезной водой.

– Эй, кисель! – крикнул ему парень. – Тут дедушка с тобой хочет поговорить!

При звуках голоса своего противника богатырь испуганно сжался и закрылся руками, словно ожидал удара. Старик посмотрел на богатыря, покачал головой и промолвил:

– Ой-е... Был пузырь-богатырь, да весь сдулся. – Он снова повернулся к парню: – Как тебя зовут, силач?

– Огнерод, – ответил тот.

– Огнерод?... За что ж тебя так прозвали?

– Догадайся, дядя.

Парень закинул котомку на плечо, повернулся и зашагал в сторону большака. А народ смотрел вслед новоявленному богачу и не смел произнести ни слова. Лишь когда тот скрылся из виду, кто-то из сельчан пробормотал:

– Колдун. Как пить дать, колдун.

– Известно, колдун, – подтвердил другой. – Нынче их много развелось. Сказывают, в кривичском Сивуш-граде два колдуна повздорили. Так целый постоянный двор разгромили, камня на камне не оставили. А вдобавок три дерева с корнем из земли вырвали.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.